

## СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

---

Въ концѣ восьмой книги Сократъ разсуждалъ о тиранніи, ея происхожденіи и природѣ; а теперь описываетъ *подобнаго тиранніи чловѣка*, который находится подѣ такимъ сильнымъ владычествомъ какой-нибудь страсти, что бываетъ рабски подчиненъ ей. Онъ спрашиваетъ: какимъ образомъ чловѣкъ тираннической происходить изъ демократическаго? Какія имѣетъ онъ свойства и какую ведетъ жизнь,—несчастную, или счастливую? Эти вопросы разсматриваются слѣдующимъ образомъ. Чтобы правильнѣе судить о такихъ вещахъ, говоритъ Сократъ, надобно къ природѣ удовольствій и пожеланій прибавить нѣчто такое, о чемъ прежде упоминаемо не было. Между пожеланіями и удовольствіями не необходимыми есть много постыдныхъ и не позволительныхъ. Если они заранѣе исправляются и поставляются подѣ управленіе пожеланій лучшихъ и разумныхъ; то могутъ быть или совершенно искоренены, или значительно ослаблены: а когда этого не бываетъ,—они, возрастая съ каждымъ днемъ, наконецъ получаютъ такую силу, что имъ уже нельзя противустоять. Сюда относятся сладострастіе и невоздержаніе. Р. 571—572 В.

Съ этой точки зрѣнія на чловѣка тиранническаго, изслѣдывается сперва его *происхожденіе*. Рожденный и воспитанный такимъ отцомъ, который особенное вниманіе обращаетъ на домашнюю экономію, который, кромѣ богатства, не знаетъ ничего цѣннаго и все, относящееся къ образованію, ставитъ ни во что,—сынъ, попавъ въ общество юношей, воспитанныхъ свободнѣе и знакомыхъ съ не позволительными удовольствіями, такъ привязывается къ свободной ихъ жизни, что получаетъ сильное

отвращеніе къ скупости своего отца. Принявъ, однакожъ, хорошее воспитаніе, онъ находитъ въ его внушеніяхъ еще столько силы, что не рѣшается предаться всѣмъ удовольствіямъ; а отсюда происходитъ то, что онъ равно избѣгаетъ какъ распутной и разсѣянной жизни товарищей, такъ и грязной скупости своего отца. Но таковъ-то и есть человѣкъ демократическій. Положимъ же теперь, что у этого, уже состарѣвшагося человѣка, есть сынъ, воспитанный и образованный совершенно по примѣру отца. Ставъ юношею, и онъ тоже вступаетъ въ общество разсѣянныхъ людей, увлекающихъ его къ какимъ-нибудь удовольствіямъ. И напрасны будутъ просьбы отца, напрасны увѣщанія друзей, старающихся расторгнуть его связь съ дурными товарищами. Эти развратные рабы удовольствій, если не сдѣлаютъ ничего другаго, то непременно разовьютъ въ немъ какую-нибудь страсть, на примѣръ, любовь. Когда же она будетъ воспламенена,—послѣдуютъ за нею и прочія похоти, которыми обыкновенно увлекаются любовники; а чрезъ это, ради безумной любви, онъ заглушаетъ въ себѣ всѣ благородныя чувствованія и всецѣло предается ей власти. Таково же зарожденіе и другихъ пороковъ, на примѣръ, пьянства, наглости, дерзости. Если душа бываетъ до того занята ими, что не владѣетъ сама собою; то въ человѣкѣ томъ является настоящая тираннія, которая какъ бы насильственно нудитъ ее къ дѣламъ постыдной страсти. Таково происхожденіе человѣка тиранническаго. 572 С—573 С.

Потомъ разсматривается, какова его *жизнь*. Не вовсе неизвѣстно, что онъ преданъ будетъ всѣмъ удовольствіямъ, соприкосновеннымъ съ его страстью; ради ея станетъ проводить праздники въ попойкахъ товарищей, затѣвать блестящіе пиры, преслѣдовать любовницъ и, наконецъ, не отворотится ни отъ одного, хотя бы самаго грубаго удовольствія. Но все это потребуетъ большихъ издержекъ, и онъ вскорѣ промотаетъ отцовское наслѣдство, а потомъ будетъ наживать и долги, пока люди, поколебавшись въ довѣрїи къ нему, не лишатъ его кредита. Тогда, возбуждаемый страстью, онъ покусится на злодѣянія, чтобы этимъ способомъ найти какія-нибудь средства для удовлетворенія своимъ пожеланіямъ. Посему, оставивъ всякій стыдъ, онъ будетъ дѣлать насиліе, не щадя даже и родителей, хищнически проникать чрезъ

стѣны, разбойничать по дорогамъ, грабить храмы, и не откажется ни отъ какого преступленія. Если такихъ людей въ обществѣ окажется много; то они не только не будутъ врагами тиранніи, къ которой склонны по природѣ, но еще постараются, проявлять ее самымъ жестокимъ образомъ. Человѣкъ съ такимъ настроеніемъ души ни съ кѣмъ не можетъ находиться въ дружескихъ отношеніяхъ, равно какъ не будетъ любить и защищать свободу гражданъ; потому что онъ не привыкъ ни къ кому имѣть довѣренность, не уважаетъ справедливости, не отвращается ни отъ какихъ дурныхъ поступковъ. Если же такова жизнь этого человѣка; то видно уже, какъ должно судить о его счастіи. Чѣмъ сильнѣе обуревается онъ страстями, тѣмъ больше его несчастье; такъ что человѣкъ тираннической есть существо самое жалкое. Это будетъ еще понятнѣе, если мы сравнимъ разныя формы правленія, о которыхъ говорено было выше; человѣкъ тираннической всего подобнѣе тиранніи, димократической—димократіи, олигархической—олигархіи, всякій—своей. И какъ то общество совершенное, или аристократическое, должно быть почитаемо, безъ сомнѣнія, самымъ счастливымъ, а то, терзаемое тиранномъ,—самымъ несчастнымъ; то естественно слѣдуетъ, что человѣкъ, подобный тиранніи, находящійся, то-есть, подъ жестокимъ владычествомъ страстей, есть человѣкъ самый жалкій, а покорный внушеніямъ ума, питающій уваженіе къ справедливости и добродѣтели,—самый счастливый. Въ самомъ дѣлѣ, въ обществѣ тиранническомъ нѣтъ свободы: нѣтъ ея также и въ подобномъ этому обществу человѣкѣ; потому что душа его порабощена страстями, и потому всегда бываетъ возмущенною и терзается ощущеніями скорбными. Потомъ, общество, повинующееся тиранну, мучится бѣдностію и недостатками: то же надобно сказать и о человѣкѣ, непрестанно мучимомъ ненасытимою жаждою удовольствій. Кромѣ того, общество тиранническое исполнено страданій, и ни въ какомъ другомъ не проливается столько слезъ: то же бываетъ и съ подобнымъ ему человѣкомъ, котораго душа непрестанно потрясается силою страстей и нерѣдко доходитъ даже до безумія, а покойною и мирною никогда не бываетъ. Такова участь его въ жизни не только частной, но и общественной, когда онъ бываетъ тиранномъ государства; ибо и тутъ мучать его—

то страхъ, то подозрѣніе, то нечистая совѣсть, то буйство страстей, то неистовство злобы,—и онъ, не вѣря никому, живетъ въ своемъ домѣ, будто въ тюрьмѣ, становится человѣкомъ самымъ несчастнымъ и несетъ бремя самаго горькаго рабства. Къ тому жъ, это зло не исцѣляется и временемъ: напротивъ, подозрѣніе, жесткость сердца, несправедливость и гнусность поведенія все болѣе и болѣе развиваются. Если же такъ, то чѣмъ далѣе кто-нибудь отступаетъ отъ сходства съ описаннымъ прежде наилучшимъ обществомъ, тѣмъ жалче и несчастнѣе становится жизнь его. Посему самымъ счастливымъ надобно почитать того царственного мужа, который держится аристократіи. А за аристократіею по порядку слѣдуютъ уже человѣкъ тимократическій, олигархическій, и демократическій; послѣднее же мѣсто принадлежитъ тиранническому, который, скрытно ли то будетъ отъ боговъ, или явно, бываетъ несчастнѣе всѣхъ. Р. 573 D—580 С.

Хотя такимъ образомъ достаточно доказано, что жизнь тирана самая несчастная; однакожъ Сократъ находитъ нужнымъ раскрыть то же самое и съ другой стороны. Какъ въ обществѣ, говоритъ онъ, различили мы три сословія гражданъ, такъ и въ человѣкѣ замѣтили *τρία εἶδη τῆς ψυχῆς*, именно: *τὸ λογιστικόν*, *τὸ θυμικόν* и *τὸ ἐπιθυμητικόν*. Соответственно же этимъ видамъ, или сторонамъ души, смотря по тому, которая изъ нихъ бываетъ господствующею, въ человѣчествѣ являются и *три рода людей*: родъ философовъ, въ которомъ надъ прочими частями души владычествуетъ *τὸ λογιστικόν*, или умъ; родъ честолюбцевъ, или спорщиковъ, въ которомъ начало управляющее есть *τὸ θυμικόν*; и родъ скупцовъ, который находится подъ владычествомъ—*τοῦ ἐπιθυμητικοῦ*. Отсюда, по различію людей, есть и три рода пожеланій или страстей; такъ что, еслибы эти люди, взятые по родамъ, должны были отвѣчать на вопросъ: какая жизнь самая счастливая? то каждый счастливѣйшею призналъ бы ту, которая сродни ему самому. Скупой сталъ бы хвалить обладаніе богатствомъ, честолюбецъ превозносилъ бы обаяніе славы, а философъ всему предпочелъ бы познаніе истины и мудрость. Такой споръ не иначе можетъ быть прекращенъ, какъ опытностію, разсудкомъ и словомъ, безъ которыхъ предложеннаго вопроса никто не разрѣшитъ сужденіемъ вѣрнымъ. Итакъ, въ массѣ троякаго рода людей о

счастіи только тотъ будетъ судить справедливо, кто, съ одной стороны, знаетъ употребленіе вещей, съ другой—пользуется разсудкомъ и словомъ. Философу, конечно, лучше знакома природа удовольствія, чѣмъ скупому; потому что первый, по требованію необходимости, въ молодыхъ лѣтахъ испытавъ, что такое значать удовольствія низшія, наслаждается потомъ и удовольствіемъ чистѣйшимъ, происходящимъ отъ познанія истины, тогда какъ скупой вкушалъ только грубыя, а благороднѣйшихъ не испытывалъ. Отъ этого сужденіе философа будетъ вѣрнѣе, чѣмъ сужденіе скупаго. То же и въ отношеніи къ честолюбивому. Пріятно, безъ сомнѣнія, приобрѣсть извѣстность и прославиться; и это удовольствіе не меньше извѣстно философу, какъ и честолюбцу: но наоборотъ — удовольствіе, происходящее отъ созерцанія истины, испытываетъ исключительно философъ; а изъ этого видно, что философъ опытностію и употребленіемъ вещей превосходитъ всѣхъ прочихъ. Что же касается до разсудка и слова, то уже само собою явствуетъ, что послѣдній стоитъ далеко выше людей и скупыхъ и честолюбивыхъ. Итакъ, если о всякой вещи надобно судить при помощи опыта, разсудка и слова; то необходимо слѣдуетъ, что о счастливой жизни лучше всѣхъ будетъ судить философъ. А когда это справедливо,—то изъ тѣхъ трехъ родовъ удовольствія превосходнѣйшимъ будетъ удовольствіе, получаемое отъ познанія истины, и относящееся къ той сторонѣ нашей души, которою обыкновенно созерцается истина. Слѣдовательно, блаженнѣйшею и превосходнѣйшею жизнію будетъ жизнь мудреца, въ которомъ господствующее начало есть τὸ λογιστικόν. Р. 580 D—583 А.

Но не это только справедливо; вѣрно и то, что, *кромя мудреца, никто не можетъ ощущать истиннаго и чистаго удовольствія*. Объ этомъ надобно думать такъ. Удовольствію противуполагается скорбь; средину же между тѣмъ и другимъ занимаетъ состояніе людей, нечувствующихъ ни удовольствія, ни скорби. Такое состояніе какъ послѣ скорби знакомитъ насъ съ удовольствіемъ, такъ послѣ удовольствія сближается съ скорбію. Изъ этого видно, что нечувствованіе скорби само по себѣ ни пріятно, ни непріятно, а только кажется такимъ, когда соединяется съ скорбію или удовольствіемъ; потому что состояніе, ему предше-

ствующее, бываетъ или непріятное, или пріятное. Поэтому ложно мнѣніе тѣхъ, кому удовольствіе представляется концомъ страданія, а страданіе — концомъ удовольствія; что, впрочемъ, видно и изъ того, что пріятнѣйшій запахъ ощущается безъ всякой предшествующей скорби, да не оставляетъ ея и послѣ себя. Итакъ, въ отсутствіи скорби нѣтъ никакого удовольствія, и тѣ удивительно какъ ошибаются, которые, будучи свободны отъ скорбей, думаютъ, будто чрезъ это самое они уже наслаждаются непрерывнымъ удовольствіемъ. Эта ошибка походитъ на то, какъ еслибы кто, съ самаго низкаго мѣста восходя на самое высокое, дошелъ до середины и, вообразивъ, что онъ дошелъ уже до конца, началъ снова идти книзу. Если же въ отсутствіи скорби еще не видно истиннаго удовольствія, и многія тѣлесныя удовольствія рождаются отъ какой-нибудь предшествующей скорби, какъ напримѣръ, непріятное чувство голода или жажды прогоняется пищею и питьемъ; то наслаждающіеся такими удовольствіями не ощущаютъ удовольствій истинныхъ и чистыхъ, а гоняются только за ихъ тѣнями. Отъ такого заблужденія свободенъ одинъ мудрецъ. Кромѣ того, надобно замѣтить еще слѣдующее. Между удовольствіями тѣла и души — то различіе, что первыми удаляются какія-нибудь непріятныя тѣлесныя ощущенія, а послѣдними удовлетворяется стремленіе къ истинѣ, проявляющееся въ душѣ каждаго лучшаго человѣка. Но всякій согласится, что вѣрное мнѣніе, знаніе, разумнѣе и добродѣтель содержатъ въ себѣ больше истины, чѣмъ пища, питье и другія чувствопостигаемыя вещи; потому что душа правильнѣе можетъ назваться истинно-сущимъ, чѣмъ тѣло, которое есть не иное что, какъ ея отраженіе. А насколько истиннѣе ощущаемое и ощущающее, настолько истиннѣе и самыя получаемыя при этомъ удовольствія. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что жизнь философа, относительно къ счастью, должна быть поставляема далеко выше всякой другой. Люди, гонящіеся за площадными удовольствіями, не могутъ даже и мыслію постигать этого счастья; потому что они ослѣплены страстями. И жизнь ихъ тѣмъ хуже и несчастнѣе, чѣмъ далѣе отступаетъ отъ порядка, закона и ума. Всего далѣе отступаетъ отъ этого жизнь тиранна; а всего ближе къ этому жизнь мужа царственнаго. Поэтому и сказать нельзя, какъ послѣдній стоитъ

выше перваго не только счастьемъ, но и честностью, и благообразностью, и добродѣтелью. Р. 583 В—588 А.

Въ заключеніе Сократъ говоритъ, что для достиженія истиннаго счастья философской жизни, надобно *всѣ стороны души по- ставить въ гармоническое отношеніе, согласно съ закономъ справедливости*, такъ чтобы разумная господствовала надъ раздражительною и пожелательною,—и объясняетъ это подобіемъ. Представимъ себѣ разнovidное чудовище, окруженное со всѣхъ сторонъ головами животныхъ то кроткихъ, то дикихъ; и эти головы можетъ оно по произволу производить изъ себя и замѣнять ихъ другими. Это чудовище огромной величины вообразимъ сросшимся съ природами льва и человѣка. Всѣмъ этимъ тремъ животнымъ дадимъ общую фигуру человѣка; такъ чтобы, кто смотритъ на нихъ, представлялъ, что смотритъ на образъ человѣческой. Въ этой картинѣ разнovidное чудовище есть подобіе *τῷ ἐπιθρηπτικῷ*, левъ—подобіе *τῷ θυμικῷ*, а человѣкъ—подобіе *τῷ λογιστικῷ*. Нарисовавъ такой образъ, Сократъ далѣе разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Кто говоритъ, что несправедливость полезна, а справедливость не приноситъ пользы; тотъ этимъ самымъ полагаетъ, что то огромное чудовище и льва надобно питать и лелѣять, а человѣка ослаблять и томить голодомъ, чтобы онъ легче подчинялся, куда бы ни вздумали вести его—чудовище или левъ, чтобы онъ даже помогалъ, когда бы эти дикіе звѣри стали удовлетворять своимъ пожеланіямъ, либо враждовать другъ противъ друга, кусать, терзать и пожирать человѣка. Напротивъ, кто увѣренъ, что должно чтить справедливость и въ ней полагать всю цѣну жизни: тотъ будетъ судить совсѣмъ не такъ; тотъ найдетъ законнымъ стараться, чтобы человѣкъ въ человѣческой фигурѣ, внутренно соединенный съ звѣремъ и львомъ, господствовалъ надъ прочими животными, чтобы, при помощи льва, укрощалъ дикаго звѣря, чтобы кроткія его головы питалъ, а жестокія обуздывалъ, и чтобы, уничтоживъ неистовыя пожеланія звѣрей, водворилъ въ себѣ миръ и спокойствіе. Если этотъ образъ таковъ, что соотвѣтствуетъ самой вещи; то совершенно ясно, что хвалитель справедливости судитъ весьма вѣрно, а проповѣдникъ несправедливости измѣняетъ законамъ здраваго сужденія: ибо возьмемъ ли въ расчетъ пользу и славу, будемъ ли

имѣть въ виду счастье, — послѣдній утверждаетъ ложь и нелѣпость, а первый — истину и согласное съ умомъ понятіе. Имя честности произошло отъ того, что она пожеланія дурныя подчиняетъ лучшей и божественнѣйшей части человѣка: напротивъ, безчестное названо этимъ именемъ потому, что кроткую часть нашей души оно порабощаетъ той дикой. Но какъ никто не согласился бы взять золото, чтобы за него отдать въ рабство сына или дочь: такъ никому не приходится, принявъ несправедливо золото, или совершивъ иное беззаконіе, божественнѣйшую часть души передать въ рабство части худшей и преступнѣйшей. И не за иное вѣдь что-нибудь подвергается порицанію невоздержаніе, дерзость, гордость, изнѣженность, роскошь, лесть, низкое и презрѣнное чувство, а именно за то, что всѣ эти выраженія человѣческой природы божественную часть нашей души, которая должна быть въ насъ господствующею, повергаютъ въ жалкое рабство. Вѣдь насколько лучше находится подъ властію господина мудраго и добраго; настолько полезнѣе принимать законы отъ того, что въ насъ превосходнѣйшее. Итакъ, несправедливость, хотя бы она и укрывалась отъ преслѣдованія людей и законовъ, не только не приноситъ никакой пользы, но еще по тому самому, что ея не замѣчаютъ и не наказываютъ, она становится тѣмъ хуже и гибельнѣе. Зная это, мудрецъ во всю свою жизнь будетъ стараться о приобрѣтеніи средствъ для умѣренности, справедливости, здравомыслія; а попеченіе о тѣлѣ будетъ позволять себѣ только съ тою цѣлію, чтобы чрезъ согласіе всѣхъ его частей поддержать и возвысить ту совершеннѣйшую гармонію, какая должна быть въ душѣ всякаго наилучшаго человѣка; ибо такимъ только образомъ онъ удостоится имени истиннаго музыканта, слѣдовательно также имени градоначальника и политика. Р. 588 В—592 В.





## КНИГА ДЕВЯТАЯ.



Теперь остается рассмотреть, продолжалъ я, самого че- 571.  
ловѣка тиранническаго, какъ онъ выходитъ изъ демократиче-  
скаго и, вышедши, какимъ бываетъ и какъ живетъ—счастли-  
во, или бѣдственно.—Да, остается еще этотъ, сказалъ онъ.—  
Знаешь ли, спросилъ я, чего мнѣ хочется?—Чего?—Мы не-  
достаточно, кажется, различили пожеланія, каковы они и сколь-  
ко ихъ: а такъ какъ этого недостаетъ, то изслѣдованіе того,  
что изслѣдуемъ, будетъ неясно.—Да благовременно ли те- В.  
перь? спросилъ онъ.—Конечно; и смотри-ка, что хочу я ви-  
дѣть въ пожеланіяхъ:—вотъ что. Изъ удовольствій и пожеланій  
не необходимыхъ нѣкоторыя кажутся мнѣ противузаконны-  
ми: онѣ, хотя, должно быть, внѣдрены во всякаго, однакожъ,  
ограничиваемыя закономъ и наилучшими пожеланіями, при  
содѣйствіи ума, у однихъ людей либо совершенно исчезаютъ,  
либо умаляются въ количествѣ и слабѣютъ, а у другихъ ста-  
новятся сильнѣе и многочисленнѣе.—Какія же это разумѣешь С.  
ты послѣднія-то? спросилъ онъ.—Тѣ, которыя возбуждаются  
во время сна, отвѣчалъ я. Тогда какъ одно начало души—  
разумное, кроткое и правительственное, спитъ, а звѣровид-  
ное и дикое, исполненное пищи и вина, прыгаетъ и, прогнавъ  
сонъ, старается идти и удовлетворять своимъ требованіямъ,  
—ты знаешь, въ такомъ состояніи оно, отрѣшенное и отбро-  
сившее всякій стыдъ и разумность, отваживается дѣлать все;

- D.** такъ что если вздумаетъ, не медлить рѣшимостью смѣситься хоть съ матерью, хоть съ кѣмъ другимъ изъ людей, боговъ и животныхъ, или кого-нибудь убить, и не удерживается ни отъ какой пищи; однимъ словомъ—не оставляетъ ни безумія, ни безстыдства.—Ты весьма справедливо говоришь, сказалъ онъ.—Но кто <sup>1</sup>, думаю, ведетъ себя здраво и разсудительно, и отходить ко сну, возбудивши въ себѣ разумную свою природу, напитавъ ее прекрасными мыслями и разсужденіями и
- E.** надумавшись самъ съ собою, а отъ пожелательной своей стороны устранивъ и недостатки и излишества, чтобы она спала
572. и шумливо не обезпокоивала лучшей части ни весельемъ, ни печалью, но позволяла ей одной, самой по себѣ <sup>2</sup>, въ ея чистотѣ, стремиться къ созерцанію чувствомъ того, чего она не знаетъ,—въ прошедшемъ ли то, въ настоящемъ, или будущемъ;—кто подобнымъ образомъ укрощаетъ и раздражительную природу, чтобы она отходила ко сну невзволнованная и ни на кого не разгнѣванная, и усмирявъ такимъ образомъ эти два вида, сообщаетъ движеніе третьему, заключающему въ себѣ разумность, и успокоивается въ немъ: тотъ во снѣ, знаешь
- B.** ли, близко коснется истины, и не будутъ мечтаться ему тогда противузаконныя видѣнія.—Я совершенно такъ думаю, сказалъ онъ.—Но мы слишкомъ далеко увлеклись, говоря объ этомъ. То, что намъ хочется знать, состоитъ въ слѣдующемъ: въ каждомъ изъ насъ, сколь бы кто ни казался умѣреннымъ, есть нѣкоторый родъ пожеланій жестокихъ, дикихъ и беззаконныхъ, что обнаруживается во снѣ. Смотри же, дѣло ли я

---

<sup>1</sup> Эти мысли Платона хорошо переводитъ Цицеронъ. *At qui salubri et moderato cultu atque victu quieti se tradiderit, ea parte animi, quæ mentis et consilii est, agitata et erecta, saturataque bonarum cogitationum epulis; eaque parte animi, quæ voluptate alitur, nec inopia enecta, nec satietate affluentis, quorum utrumque præstringere aciem mentis solet, sive deest naturæ quidpiam, sive abundat atque affluit; illa etiam tertia parte animi, in qua irarum existit ardor, sedata atque restincta: tum eveniet, duabus animi temerariis partibus compressis, ut tertia pars rationis et mentis eluceat et se vegetam ad somnium acremque præbeat; tum ei visa quietis occurrent tranquilla atque veracia.*

<sup>2</sup> Эту самую мысль, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, см. Phædo. p. 65 C. 79 C.

говору, и соглашаешься ли ты?—Да, согласенъ.—Ну такъ вспомни теперъ челоуѣка димократическаго <sup>1</sup>, какъ мы описали его. Онъ рожденъ и съ дѣтства вскормленъ скупымъ отцомъ, который уважаетъ только пожеланія промышленныя, а не необходимыхъ, проявляющихся ради игрушки и красоты <sup>2</sup>, не уважаетъ. Не такъ ли?—Да.—Обращаясь съ щеголями, исполненными тѣхъ пожеланій, о которыхъ мы сейчасъ разсуждали, онъ, по ненависти къ скупости своего отца, стремится ко всякой разнузданности и къ тому роду удовольствій, но, благодаря лучшей природѣ, чѣмъ какаѣ у тѣхъ развратниковъ, влекомый въ обѣ стороны, становится въ средину D. между обоими способами жизни и, пользуясь, какъ говорятъ, довольно умѣренно, тѣмъ и другимъ, живетъ и не скупю, и не противузаконно, и дѣлается изъ олигархическаго димократическимъ.—О подобныхъ людяхъ, дѣйствительно, было и есть такое мнѣнiе, сказалъ онъ.—Положи же, продолжалъ я, что у этого челоуѣка, когда онъ дожилъ уже до старости, есть въ свою очередь сынъ-юноша, вскормленный въ его правилахъ.—Полагаю.—Да положи и то, что съ сыномъ то же случилось, что съ его отцомъ, что онъ увлекается ко всякому E. беззаконію, которое руководители его называютъ совершенною свободою. Тогда какъ отецъ и другіе ближніе помогаютъ ему идти въ пожеланіяхъ срединю, противоположные помощники, тѣ сильныя волшебники и образователи тиранна, надѣются не иначе удержать въ своихъ рукахъ юношу, какъ зародивъ въ немъ коварно какую-нибудь любовь, которая двигала бы пожеланіями праздными, расточающими готовое,— 573. и вотъ, зараждають въ душѣ его большаго крылатаго трутня.

<sup>1</sup> Указываетъ р. 557 D sqq.

<sup>2</sup> Пожеланіями промышленными Сократъ называетъ тѣ, которыя свойственны промышленникамъ, людямъ, вездѣ и во всемъ ищущимъ выгоды и прибыли. Эти пожеланія не необходимы, но подчиняются законамъ и могутъ быть ограничиваемы ими. Кромъ этихъ, подъ категорією пожеланій не необходимыхъ есть еще другія, враждебныя промышленнымъ, или расточительныя; и обѣ нихъ-то здѣсь говорится. Намѣреніе Сократа—доказать, что первыя—*voluptates coëscendæ et moderandæ*, а послѣднія — *voluptates radicitus (xstirpandæ)*.

Или такая любовь <sup>1</sup>, думаешь, есть что-нибудь иное?— Не иное, сказалъ онъ, но именно это.— Итакъ, когда вокругъ него шумятъ разныя пожеланія— раздушенныя, распомаженныя, увѣщавныя, упившіяся, окруженныя толпою растрепанныхъ удовольствій, и когда выростивъ, вскормивъ до послѣдней степени В. жало похоти, сообщаютъ его трутню; тогда оруженосцемъ его становится безуміе, тогда неистовствуетъ этотъ настоятель души и, если находитъ въ себѣ какія-нибудь миѣнія, или добрыя расположенія, знакомыя еще съ стыдомъ, то убиваетъ и извергаетъ ихъ изъ себя вонъ, пока не истребится разсудительность и не удовлетворится привзошедшее безуміе.— Ты описываешь рожденіе совершенно тиранническаго человѣка, сказалъ онъ.— Не потому ли и въ древности, замѣтилъ я, любовь называли тиранномъ?— Должно быть, сказалъ онъ.— Да и въ мысляхъ человѣка опьянѣвшаго— нѣтъ ли тоже чего-то тиранническаго, другъ мой? спросилъ я.— Есть.— Но безумный-то и сумасшедшій чувствуетъ въ себѣ рѣшимость и надежду управиться не только съ людьми, но и съ богами.— Конечно, сказалъ онъ.— Итакъ, тотъ человѣкъ будетъ подлинно тиранническимъ, заключилъ я, который или по природѣ, или по занятіямъ, или по тому и другому, окажется пьяницею, любовникомъ и меланхоликомъ.— Безъ сомнѣнія.—

Происходить-то такой человѣкъ, какъ видно, такъ. Но какъ онъ живетъ?— Отвѣчу тебѣ поговоркою шутниковъ: «это D. скажешь ты и мнѣ <sup>2</sup>».— Конечно скажу, примолвилъ я. Думаю, что послѣ этого бываютъ у нихъ праздники, пирушки, увеселенія, подруги, и прочее, чѣмъ относительно всѣхъ движеній души распоряжается въ домѣ тиранническая любовь.— Необходимо, сказалъ онъ.— Не разрастаются ли тамъ каждый

<sup>1</sup> Такая любовь, τὸν τοιοῦτον ἔρωτα, такъ читаю я съ Штальбомомъ, вмѣсто τὸν τῶν τοιοῦτων ἔρωτα; потому что впереди не было указано никакихъ предметовъ, къ которымъ направлялась бы эта любовь. Напротивъ, ὁ τοιοῦτος ἔρωτις здѣсь *простѣтѣтъ τῶν ἀρῶν καὶ τὰ ἔτοιμα διανεμομένων ἐπιθυμιῶν.*

<sup>2</sup> Это— поговорка, или, по схоластику, *παροιμία, ἣνίκα τις ἐρωτᾷ, οὗτις τι ὑπὸ γιγνώσκοντος τὸ ἐρωτᾷ, αὐτὸς ἀγνοῶν, οὕτως ἀποκρίνεται: «σύ καὶ ἐμοὶ ἐρᾷς».*

день и ночь безчисленные и сильные пожеланія, которыя требуютъ многого? — Конечно безчисленные. — Следовательно, если есть какіе доходы, — они тотчасъ истрачиваются. — Какъ же не истрачиваться? — А за этимъ-то займы и уменьшеніе Е. имѣнія. — Какъ же. — Но когда ничего не остается, — не необходимо ли гнѣздящимся въ нихъ пожеланіямъ издавать непрестанные и громкіе вопли, — и они, будто преслѣдуемые жалами какъ другихъ пожеланій, такъ особенно самой любви, которая предводительствуетъ ими, въ значеніи свиты, приходятъ въ неистовство и смотрять, у кого есть что-нибудь такое, что можно отнять обманомъ или силою? — Непремѣнно, сказалъ онъ. — Поэтому не необходимо ли имъ отвсюду соби- 574. рать, либо иначе терпѣть величайшія страданія и скорби? — Необходимо. — Стало-быть, не справедливо ли, что какъ позднѣе привзошедшія въ него удовольствія были болѣе жадны, чѣмъ прежнія, и отнимали все, что тѣмъ принадлежало<sup>5</sup>; такъ и онъ, будучи моложе отца и матери, обнаруживаетъ больше жадности, и какъ скоро растратилъ собственную долю, присвоиваетъ и отнимаетъ достояніе отцовское? — Да какъ же, сказалъ онъ. — А еслибы не позволили ему, то не рѣшился ли В. бы онъ на первый разъ украсть и обмануть родителей? — Безъ сомнѣнія. — Когда же былъ бы не въ силахъ, — не прибѣгъ ли бы потомъ уже къ грабительству и насилію? — Я думаю, сказалъ онъ. — А еслибы старикъ и старуха стали противиться и вступили съ нимъ въ борьбу, почтеннѣйшій, то поостерегся ли бы онъ и удержался ли бы, чтобъ не сдѣлать чего-нибудь тиранскаго? — Не очень ручаюсь я за родителей такого сына, сказалъ онъ. — Но, ради Зевса, Адимантъ, неужели кажется тебѣ, что за недавно полюбленную и не необходимую подругу онъ подвергъ бы побоямъ издавна любимую и необходимую мать, или за красиваго, недавно полюблен- С. наго, не необходимаго друга, рѣшился бы бить некрасива-

<sup>5</sup> Отнимали, что тѣмъ принадлежало, τὰ ἐκεῖνων ἀφ᾽ ἑαυτοῦ. Здѣсь τὰ ἐκεῖνων надобно относить къ подразумеваемому πατρὸς καὶ μητρὸς χρήματα.

го, но необходимаго старца-отца, предшествовавшего по времени его друзьямъ, и заставилъ бы этимъ рабствовать тѣхъ, въ чей домъ захотѣлъ бы ввести ихъ?—Да, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—Такъ большое же, какъ видно, счастье—родить тиранническаго сына, примолвилъ я.—Не очень, сказалъ онъ.— Но что, когда отъ роя собравшихся въ немъ удовольствій, отеческаго-то и материнскаго имущества ему не достанетъ,—не покусится ли онъ сперва на стѣну какого-нибудь дома, или на платье идущаго позднею ночью человѣка, а потомъ не очиститъ ли какого-нибудь священнаго храма? Между тѣмъ мнѣніями о похвальномъ и постыдномъ, которыя онъ имѣлъ издавна, съ дѣтства, и почиталъ справедливыми, овладѣютъ недавно освободившіяся изъ рабства и сопровождающія любовь пожеланія.

Прежде, когда онъ состоялъ еще подъ законами и волею отца, управляясь самъ въ себѣ димократически, эти пожеланія разрѣшались только во снѣ—сновидѣніемъ; подпавъ же подъ

75. власть любви, онъ непрерывно будетъ такимъ на яву, какимъ изрѣдка бывалъ во снѣ,—не станетъ удерживаться отъ какого бы то ни было страшнаго убійства, жертвоприношенія и поступка. Тиранствующая въ немъ любовь, живя внѣ всякой власти и закона, какъ бы сама была единственнымъ властителемъ, поведетъ его, будто свой городъ, ко всякой дерзости, лишь бы напитать себя и сопутствующую себѣ буйную толпу, которая частію вошла извнѣ, отъ дурнаго знакомства, частію родилась внутри, отъ тѣхъ самыхъ нравовъ, какъ скоро нашла себя въ нихъ распущенной и свободною. Развѣ не это жизнь такого человѣка?—Это самое, сказалъ онъ.—И если такихъ

В. то въ городѣ немного, продолжалъ я, прочій же народъ мыслить здраво,—они, въ военное время, выходятъ и становятся охранительнымъ войскомъ какого-нибудь тиранна, или служатъ за жалованье: а когда вездѣ мирно и спокойно,—они дѣлаютъ много неважнаго зла въ самомъ своемъ городѣ.—Что именно разумѣешь ты?—Напримѣръ, воруютъ, подкапываются подъ стѣны, отрѣзываютъ кошельки, снимаютъ платье, святотатствуютъ, порабащаютъ, а иногда дѣлаютъ

ложные доносы, если имѣютъ даръ слова, и берутъ взятки.— Неважное же зло разумѣешь ты, сказалъ онъ, хотя такихъ и немного!—Дѣйствительно неважное, примолвилъ я, потому что въ сравненіи съ великимъ-то оно маловажно: все это, если возьмешь во вниманіе порчу и жалкое состояніе города, къ тиранну, какъ говорится, и близко не подходитъ <sup>1</sup>. Въдь когда въ городѣ такихъ будетъ много-то, и когда они, вмѣстѣ съ другими своими послѣдователями, сознаютъ свою числительность; тогда, пользуясь невѣжествомъ черни, сами создадутъ себѣ такого тиранна, который бы, больше всѣхъ ихъ, въ самомъ себѣ—въ своей душѣ,—былъ величайшимъ и сильнѣйшимъ тиранномъ.—Да и естественно, сказалъ онъ, что это D. будетъ тираннъ въ высшей степени.—И хорошо, если чернь покорится ему добровольно; а какъ городъ не позволить? Тогда онъ, какъ прежде наказывалъ мать и отца, такъ теперь, если достанетъ силъ, будетъ наказывать отечество, то-есть введетъ въ него новыхъ друзей и будетъ содержать и питать давно любимую, какъ говорятъ Критяне, *μη-ριδα τε και πατριδα* въ порабощеніи имъ. И это-то цѣль желаній такого человѣка.—Безъ сомнѣнія, это самое, сказалъ онъ.—Но подобные E. то люди, спросилъ я, не такими ли бываютъ и въ жизни частной, прежде чѣмъ дѣлаются правителями? Во-первыхъ, съ кѣмъ бы они ни обращались,—обращаются либо со льстецами, которые готовы во всемъ служить имъ, либо съ тѣми, предъ которыми сами падаютъ, имѣя въ нихъ какую-нибудь нужду, и пока имѣютъ, отваживаются принимать всѣ виды свойственникововъ, а какъ скоро дѣло сдѣлано, становятся чужими. — 576. Непремѣнно.—Слѣдовательно, они во всю свою жизнь никому никогда не бываютъ друзьями, но либо владѣютъ надъ другимъ, либо рабствуютъ другому. Тираннической природѣ

<sup>1</sup> Τὸ λεγόμενον, οὐδ' ἔκταρ βάλλει. Пословицу: οὐδ' ἔκταρ βάλλει, схолиастъ объясняетъ такъ: ἔκταρ σημαίνει ταῖτα τὸ ἐγγύς, ἀπὸ τοῦ ἰκνεῖσθαι, τὸ πρόσφατον, τὸ ἄρτι, τὸ ταχέως, τὸ πικρῶς, τὸ ἐξαπίνης. Καὶ παροιμία· οὐδ' ἔκταρ ἦκει, ὡς περ καὶ το, — οὐδ' ἔκταρ βάλλει, τουτίστιν· οὐδ' ἐγγύς ἐστιν. Объ этой пословицѣ см. также interpp. ad Thom. Magn. p. 471. Ruhnken. ad Tim. Gloss. p. 149.

всегда недоступна ни истинная свобода, ни истинная дружба. — Конечно. — Так не правильно ли будет называть таких людей невѣрными? — Как же не правильно? — А несправедливо. В. выми-то тѣмъ еще болѣе, если прежде касательно справедливости мы согласились правильно. — Конечно правильно, сказалъ онъ. — Итакъ, этого дурнаго человѣка, заключилъ я, опредѣлимъ вообще: онъ есть то самое на яву, что мы видѣли какъ бы во снѣ<sup>1</sup>. — Конечно. — Не тотъ ли бываетъ и единовластителемъ, кто имѣетъ природу, въ высшей степени тиранническую, и чѣмъ долѣе въ своей жизни тиранствуетъ онъ, тѣмъ болѣе такимъ дѣлается? — Необходимо, сказалъ, прервавши рѣчь, Главконъ. —

Но не явится ли тотъ и самымъ жалкимъ человѣкомъ, С. спросилъ я, кто является человѣкомъ самымъ дурнымъ? И тотъ не останется ли особенно и на должайшее время поистинѣ такимъ, кто особенно и должайшее время тиранствуетъ? Вѣдь многимъ многое и нравится<sup>2</sup>. — Это необходимо бываетъ такъ, сказалъ онъ. — Притомъ, не правда ли, спросилъ я, что тираннически-то человѣкъ образовался по подобію тиранническаго города, равно какъ демократически — по подобію демократическаго, и другіе такимъ же образомъ? — Какже. — Поэтому, вразсужденіи добродѣтели и счастія, не такъ ли человѣкъ относится къ человѣку, какъ городъ къ городу? — Какъ Д. же иначе? — Слѣдовательно, что же теперъ? каково должно

<sup>1</sup> ὄναι и ὑπάρ у Грековъ въ соединеніи имѣли силу пословицы: οὔτε ὄναι οὔτε ὑπάρ, ни во снѣ, ни на яву, то-есть никогда. Но въ настоящемъ мѣстѣ эти слова берутся раздѣльно, какъ понятія противоположныя, и подъ словомъ ὄναι разумѣется представленіе предмета, или отвлеченное размышленіе о немъ, а словомъ ὑπάρ выражается та мысль, что предметъ, о которомъ мы только размышляли или мечтали, теперъ осуществился. См. *Wittenbach. ad Plutarch. De superstit. p. 166 A.*

<sup>2</sup> Τοῖς δὲ πολλοῖς πολλὰ καὶ δοκεῖ. Смыслъ этого выраженія довольно неопредѣленъ. Схولیастъ опредѣляетъ его такъ: ἀντὶ τοῦ ψευδοῦ· τὸ γὰρ ψεῦδος πάλυλον, ὑπλοῦς δ' ὁ ῥῆθος τῆς ἀληθείας ἔστι. *Eurip. Phœniss. v. 479.* То-есть, ложь всегда говорлива, а слову истины свойственна простота. Въ настоящемъ случаѣ Сократъ имѣетъ въ виду ту мысль, что человѣкъ тиранническій, породившій множество пожеланій, требуетъ и множество средствъ, и много времени, чтобы питать ихъ.



быть отношеніе города тиранническаго къ царственному, какой мы прежде описали?—Совершенно противоположное, отвѣчалъ онъ: одинъ самый хорошій, а другой—самый дурной. —Да не въ томъ вопросъ, сказалъ я, который какимъ называешь; это-то явно: но такъ же ли ты судишь о нихъ, или иначе, примѣняясь, по прежнему, къ счастію и несчастію? Насъ не долженъ смущать взглядъ на тиранна, который есть лицо единичное, и на немногихъ, окружающихъ его: вошедши въ свой предметъ, мы должны созерцать цѣлый городъ, присмотрѣть- Е. ся ко всему и, обнявъ его своимъ взглядомъ, произнести о немъ мнѣніе.—Правильно вызываешь на это, сказалъ онъ: для всякаго очевидно, что городъ тиранническій не самый несчастный, равно какъ и царственный—не самый счастливый.—Но не правильно ли вызвалъ бы я на то же самое и касательно людей, спросилъ я, позволяя судить о нихъ тому, кто можетъ разсматривать человѣка, входя мыслію въ его 577. нравъ, и кто смотритъ на него, не какъ дитя, —снаружи, и поражается великолѣпною обстановкою мужей тиранническихъ<sup>1</sup>, которую показываютъ они въ отношеніи къ внѣшнимъ, — но вникаетъ достаточно? Еслибы я положилъ, что всѣ мы должны слушать того, кто въ состояніи судить, —кто живетъ съ тиранномъ подъ одною кровлею, присутствуетъ при домашнихъ его дѣлахъ и видитъ, какъ онъ относится къ каждому В. изъ близкихъ къ себѣ лицъ, особенно когда является безъ всякой театральной парадности, или опять среди общественныхъ бѣдствій; — еслибы видящему все это я велѣлъ объявить, каково счастіе или несчастіе тиранна сравнительно съ другими....—Ты весьма справедливо вызвалъ бы и на это, сказалъ онъ.—Такъ хочешь ли, спросилъ я, мы прикинемся, будто можемъ судить, и уже столько встрѣчались съ такими людъ-

<sup>1</sup> *Великолѣпною обстановкою мужей тиранническихъ*, ὑπὸ τῆς τῶν τυραννικῶν περιστάσεως. *Прѣсталис*, по словамъ *Рукиенія* (ad Tim. Gloss. p. 246), est regius apparatus, pompa, quam Polybius et alii *προστάσις* vocant. Сн. *Lobeck. Append. ad Phrynich. p. 529.*

ми, что найдемъ отвѣчателей на наши вопросы? — И конечно. —

- С. Ну такъ вникай же въ слѣдующее, сказалъ я. Припоминая подобіе города и человѣка и снося ихъ въ отдѣльныхъ чертахъ, выскажи послѣдовательно <sup>1</sup> свойства того и другаго. — Какія? спросилъ онъ. — Во-первыхъ, чтобы сказать о городѣ, отвѣчалъ я, тираннической свободнымъ ли называешь ты, или рабскимъ? — Сколько возможно болѣе рабскимъ, сказалъ онъ. — Однакожь видишь, властители-то въ немъ свободны. — Вижу, отвѣчалъ онъ; но это-то — нѣчто незначительное: цѣлое же въ немъ, какъ говорится, и наилучшее
- D. безчестно и горько рабствуетъ. — Но если человѣкъ подобенъ городу, примолвилъ я, то и въ человѣкѣ не необходимъ ли тотъ же порядокъ? душа его должна быть переполнена рабствомъ и низостью, и рабствовать должны тѣ ея части, которыя были наилучшими, а маловажное, негоднѣйшее и неистовѣйшее будетъ владычествовать. — Необходимо, сказалъ онъ. — Что же? такую душу рабствующую ли назовешь ты, или свободною? — Ужь конечно, рабствующую. — Но рабствующій-то опять и тираннической городъ не меньше ли всего дѣлаетъ то, что хочетъ <sup>2</sup>? — Конечно такъ. — Стало-быть,
- В. и тиранническая душа, поколику говорится о цѣлой душѣ, будетъ дѣлать меньше того, что хочетъ, но, всегда увлекаемая насильственно бѣшенствомъ, явится полною возмущенія и раскаянія. — Какъ не явиться? — А что, богатымъ ли необходимо быть тиранническому городу, или бѣднымъ? — Бѣднымъ. —
578. Стало-быть, и тираннической душѣ необходимо всегда терпѣть бѣдность и несытость. — Такъ, сказалъ онъ. — Что же? такому-

<sup>1</sup> *Послѣдовательно, ἐν μέρει, per vices*, одни за другими. Такъ употребляется формула *ἐν μέρει*. См. *Libr. V*, р. 468 В. VII, р. 520 С. 540 В. IX, р. 581 С. X, р. 617 D. *Herman*. ad *Lucian*. de *Histor. Conscr.* р. 7 sqq.

<sup>2</sup> *Никота ποιεί ἡ βούλησις*. Здѣсь то же самое значеніе глагола *βούλεσθαι*, какое замѣчено нами въ Горгіасѣ р. 466 С. D, гдѣ Сократъ учитъ, что софисты хотя и дѣлаютъ то, ὃ ἂν αὐτοῖς εὐδὲν βέλτερον εἶναι, но не дѣлаютъ того, ὃν βούλονται, потому что не знаютъ истины, а водятся только мнѣніемъ. Такая именно дѣтельность приписывается здѣсь и тиранническому городу.

то городу и такому человѣку не необходимо ли быть подъ гнетомъ страха?—Да, крайне необходимо.—Думаешь ли, что въ какомъ-нибудь другомъ найдешь больше горя, стenanій, плача и скорбей?—Никакъ.—А представляется ли тебѣ, что въ какомъ-нибудь иномъ человѣкѣ этого больше, чѣмъ въ тиранническомъ, который приходитъ въ бѣшенство отъ любви и пожеланій?—Какъ можно? сказалъ онъ.—Такъ смотря на все это и на другія подобныя явленія, ты этотъ-то городъ и В. почиталъ несчастнѣйшимъ изъ городовъ?—Что же? развѣ неправильно? спросилъ онъ.—И очень, отвѣчалъ я. А о тиранническомъ человѣкѣ опять что будешь говорить, смотря на него съ той же стороны?—То, что онъ далеко несчастнѣе всѣхъ прочихъ людей.—Но это уже неправильно, сказалъ я.—Какъ? воскликнулъ онъ.—Думаю, примолвилъ я, что этотъ особенно еще не таковъ <sup>1</sup>.—Да какой же иной?—Несчастнѣе этого покажется тебѣ, можетъ быть, слѣдующій.—Какой?— С. Тотъ, сказалъ я, который, будучи тиранническимъ, проводитъ несчастную жизнь и бываетъ такъ несчастливъ, что ему выпадаетъ счастливый жребій <sup>2</sup> сдѣлаться тиранномъ.—Догадываюсь, сказалъ онъ, что, судя по прежнимъ положеніямъ, ты говоришь справедливо.—Да, примолвилъ я; но тутъ надобно не догадываться, а изслѣдовать это дѣло хорошенько; потому что наше изслѣдованіе касается предмета величайшаго—хорошей и дурной жизни.—Весьма правильно, сказалъ онъ.—Смотри же, говорю ли я что-нибудь. Вѣдь мнѣ кажется, что, при изученіи тиранна, надобно понимать его D. вотъ съ какой стороны.—Съ какой?—Съ той, что онъ есть одно изъ частныхъ лицъ, которыя, обладая въ городахъ бо-

<sup>1</sup> То-есть не такъ жалокъ. Напротивъ, несчастнѣе всѣхъ тотъ, кто, развивъ въ себѣ тиранническія наклонности, занимаетъ въ государствѣ высшую правительственную должность.

<sup>2</sup> *Бываетъ такъ несчастливъ, что ему выпадаетъ* и проч., *δυστυχῆς ᾧ, καὶ αὐτῷ κ. τ. λ.* Штальбомъ съ союзомъ *καὶ* соединяетъ здѣсь значеніе *то-есть*—неправильно. Тутъ фраза Сократа состоитъ изъ двухъ частей: изъ положенія и слѣдствія. Положеніе: *ἀλλὰ δυστυχῆς ᾧ*,—онъ несчастливъ; *καὶ αὐτῷ ὑπὸ τινας συμφορὰς ἐπιπίπτει*,—и вотъ выпалъ ему счастливый жребій.

гатствомъ, приобрѣли много рабовъ; ибо этимъ-то они уподобляются тираннамъ, которые управляютъ многими; только численность управляемыхъ ими не та же. — Конечно не та же. — Такъ знаешь ли, что частныя лица чувствуютъ себя безопасными и слугъ не боятся? — Да чего бояться? — Нечего при- молвилъ я; а понимаешь ли почему? — Да; потому что каждому

Е. изъ частныхъ лицъ помогаетъ весь городъ. — Хорошо говоришь, сказалъ я. Что же? еслибы кто изъ боговъ, взявъ изъ города одного человѣка, у котораго было бы до пятидесяти, или еще болѣе слугъ, переселилъ его, съ женою и дѣтьми, со всѣмъ имуществомъ и слугами, въ пустыню, гдѣ ни одинъ свободный человѣкъ не могъ бы помочь ему; то въ какомъ сильномъ и великомъ страхѣ, думаешь, былъ бы онъ за себя, за дѣтей и за жену, какъ бы слуги не убили ихъ? — Въ величайшемъ,

579. думаю, сказалъ онъ. — Не былъ ли бы онъ принужденъ нѣкоторымъ изъ своихъ рабовъ даже ласкательствовать, многое обѣщать, отпускать ихъ на волю, не ожидая ихъ просьбы, и сдѣлаться льстецомъ собственныхъ служителей<sup>4</sup>? — Крайне необходимо, сказалъ онъ, а иначе погибнетъ. — Что же, спросилъ я, еслибы въ окружности, по сосѣдству съ нимъ, Богъ поселилъ и многихъ другихъ, которые не потерпѣли бы, чтобы у нихъ одинъ надъ другимъ владычествовалъ, но взяли бы такого и подвергли бы величайшему наказанію? — Тогда

---

<sup>4</sup> Платонъ здѣсь раскрываетъ глубокую истину государственнаго управленія, что какъ скоро городъ перестаетъ охранять и защищать безопасность частныхъ лицъ, какъ скоро правительство и законы теряютъ свою силу и практическое вліяніе на отдѣльныя корпораціи народа, — порядокъ отношеній въ государствѣ тотчасъ превращается: наступаетъ система уступокъ со стороны начальниковъ относительно къ подчиненнымъ, происходитъ отождествленіе тиранніи съ законною властію, смѣшеніе должнаго подчиненія съ рабствомъ. Это — эпоха зараждающейся анархіи, начало государственнаго разложенія, игра низкой лести на всѣхъ ступеняхъ правленія и неистовыхъ выраженій дикости въ черныхъ слояхъ общества. Все общество тогда дѣлится на кружки, и каждый кружокъ, живя какбы въ пустынѣ и не находя опоры въ одномъ царственномъ законѣ, представляетъ иррачную картину превратнаго отношенія между начальствующими и подчиненными: потому что съ этой поры наступаетъ владычество физической силы надъ нравственною; а масса народа физически всегда сильнѣе правительства.

онъ, думаю, очутился бы еще въ худшемъ состояніи, потому В. что находился бы подъ стражею всѣхъ своихъ непріятелей. —А не въ такой ли темницѣ связанъ тираннъ, естественно волнующійся, какъ мы разсмотрѣли, всѣми родами сильнаго страха и любви? Имѣя жадную душу, онъ одинъ изъ всѣхъ въ городѣ не можетъ ни предпринять путешествіе, ни пойти посмотреть на то, что могутъ видѣть всѣ люди свободные, по собственному жаланію, но большею частію живетъ, забившись дома, будто женщина, завидуя другимъ гражданамъ, С. когда кто изъ нихъ отправляется за-городъ видѣть что-нибудь хорошее?—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. —

Не такими ли несчастіями богатѣетъ худо управляемый самъ въ себѣ человѣкъ тираннической, котораго ты призналъ теперь несчастнѣйшимъ, когда онъ проводитъ жизнь не какъ частное лицо, а какою-то судьбою неволится къ тиранствованію,—когда, не владѣя собою, рѣшается управлять другими, подобно тому, какъ еслибы кто, страдая собственнымъ тѣломъ и не имѣя силы въ отношеніи къ себѣ, жилъ не частно, а принужденъ былъ вести жизнь среди борьбы и под- D. воговъ съ тѣлами другихъ?—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; ты, Сократъ, уподобляешь весьма вѣрно и говоришь сущую правду.—Такъ не вполне ли жалко это состояніе, любезный Главконъ, спросилъ я, и не бѣдственнѣе ли еще живетъ тираннъ, чѣмъ тотъ, чью жизнь призналъ ты бѣдственною? Точно такъ, отвѣчалъ онъ.—Стало-быть, тираннъ, хотя иному это и не кажется, въ существѣ дѣла по-истинѣ есть рабъ, осужденный на величайшее ласкательство и униженіе,—есть льстецъ предъ людьми самыми негодными: онъ нисколько не можетъ удовлетворять и своимъ пожеланіямъ, напротивъ, во E. многомъ, повидимому, крайне нуждается и покажется дѣйствительно бѣднымъ, кто съумѣетъ созерцать его душу въ ея цѣлости; онъ всю жизнь проводитъ подъ страхомъ, непрестанно трепещетъ и мучится, если только походить на расположеніе города, которымъ управляетъ. А вѣдь походить; не такъ ли?—И очень, сказалъ онъ.—Да и кромѣ сего, мы 580.

припишемъ этому человѣку еще и то, о чемъ говорили прежде, что, то-есть, ему необходимо и быть, а еще необходимѣе прежняго, при управленіи, — бывать, и ненавистникомъ, и въ-роломнымъ, и недружелюбнымъ, и нечестивымъ, — угощателемъ и питателемъ всякаго зла, и отъ всего этого сперва особенно самому быть несчастнымъ, а потомъ сдѣлать такими и своихъ ближнихъ. — Ни одинъ человѣкъ съ умомъ не будетъ противорѣчить тебѣ, сказалъ онъ. — Ну такъ теперь, продолжалъ я, — какъ произносить свой приговоръ на всѣхъ основаніяхъ судья, такъ произнеси и ты, кто, относительно счастья, по твоему мнѣнію, первый, кто — второй, и такимъ образомъ дай свое сужденіе по порядку о всѣхъ пяти видахъ: о человѣкѣ царственномъ, тимократическомъ, олигархическомъ, демократическомъ и тиранническомъ. — Сужденіе объ этомъ дать легко, сказалъ онъ; ибо только что они выступили, — я тотчасъ оцѣниваю ихъ, будто хоръ <sup>1</sup>, относительно къ добродѣтели и пороку, къ счастью и состоянію противоположному. — Такъ найдемъ ли глашатая, спросилъ я, или объявить мнѣ самому, что сынъ Аристана человѣкомъ счастливейшимъ призналъ самого добраго и самого справедливаго; а таковъ — человѣкъ царственный, царствующій надъ собою: — человѣкомъ же несчастнейшимъ почитаетъ самого порочнаго и самого несправедливаго; а такимъ опять бываетъ человѣкъ въ высшей степени тираннической, тиранствующей преимущественно надъ собою, равно какъ и надъ городомъ. — Объявляй, сказалъ онъ. — Не прибавить ли къ объявленію, спросилъ я: хотя бы укрылись они отъ всѣхъ людей и боговъ, будучи такими, хотя бы нѣтъ? — Прибавь, отвѣчалъ онъ. —

Пусть такъ, сказалъ я; это будетъ у насъ первое доказательство; а вторымъ, если покажется, должно быть слѣдующее. — Какое? — Какъ городъ, продолжалъ я, раздѣленъ по

<sup>1</sup> Только что они выступили, — выраженіе взято съ языка театральнаго. Правилами сценическаго представленія у Грековъ требовалось, чтобы хоръ или глашатай, какъ скоро новыя лица появлялись на сценѣ, тотчасъ давалъ о нихъ понятіе зрителямъ. Это означалось глаголами *ἀνεπιτεῖν*, *ἀνερχέμενοι*, *ἀναγορεύειν*.

тремъ видамъ, такъ и душа каждаго человѣка тройка<sup>1</sup>; и отсюда, думаю, выступимъ мы со вторымъ доказательствомъ. — Съ какимъ это? Съ слѣдующимъ: если сторонъ души три, то столькими представляются мнѣ и удовольствія, — то-есть въ каждой ея сторонѣ свое, — тройкими также пожеланія и власти. — Какъ ты понимаешь это? спросилъ онъ. — Одна сторона души, говоримъ, была<sup>2</sup> та, которою человѣкъ познаетъ, другая, — которою раздражается; третьей же, по ея разновидности, мы не могли назвать однимъ собственнымъ именемъ, но что главнѣйшее и сильнѣйшее въ ней, то и наименовали: вѣдь по силѣ ея пожеланій относительно пищи, питья, сладострастія и другихъ подобныхъ тому вещей, да и относительно сребролюбія, такъ какъ этимъ пожеланіямъ удовлетворяють особенно посредствомъ денегъ, мы дали ей имя стороны 581. пожелательной. — Да и правильно, сказалъ онъ. — Такъ еслибы удовольствіе сей стороны назвали мы любовью къ корысти, то не утвердились ли бы своимъ словомъ преимущественно на этомъ одномъ главномъ понятіи и, говоря о той части души, не представляли ли бы ее съ большею ясностію, то-есть, называя ее сребролюбивою или корыстолюбивою, не правильно ли называли бы? — Мнѣ кажется, сказалъ онъ. — Что жъ? а раздражительная природа не къ преодолѣнію ли именно всегда и всецѣло стремится, говорили мы, не къ побѣдѣ ли и славѣ? — Конечно. — Такъ если мы объявимъ ее спорчивою и честолюбивою, то стройно ли это будетъ? — Очень стройно. — А та-то, которою познаемъ, всегда и всецѣло направляется, какъ всякому извѣстно, къ знанію истины, гдѣ она есть; что же до денегъ и славы, то объ этомъ она весьма мало заботится. — Конечно. — Такъ если мы назовемъ ее любознательною и муд-

<sup>1</sup> Эта аналогія политической и психической трихотоміи въ ученіи Платона замѣчена многими писателями. *Maxim. Tyr.* XXII, p. 267: Τριῶν δὲ πολιτείων τρία τ' αὖ μέρηματα βίων ἴσοις ἂν ἐν ἀνθρώπου ψυχῇ. *Themist. Orat.* II, p. 35: τῶ γὰρ ὄντι κινδυνεύουσι τοσαῦτα εἶναι εἶδη πολιτείων, ὅσατερον καὶ ἀνθρώπου ψυχῆς. Сн. *Lib.* VIII, p. 515.

<sup>2</sup> Здѣсь прошедшее ἦν указываетъ на прежнее разсужденіе объ этомъ предметѣ. Сн. *Lib.* IV, p. 439 sqq.

ролюбивою, то прилично ли будетъ названіе?—Какъ не лично?—Но въ душѣ однихъ людей не властвуетъ ли та, спросилъ я, въ душѣ другихъ—другая природа, которая случится?—Такъ, сказалъ онъ.—Посему-то и людей не раздѣлить ли намъ, во-первыхъ, на три рода: на мудролюбивыхъ, на спорчивыхъ и на корыстолюбивыхъ?—Прилично.—И удовольствій тоже—на три вида, предполагая одно въ каждомъ изъ нихъ?—Конечно.—Знаешь ли, примолвилъ я, что еслибы ты захотѣлъ эти три рода людей спросить каждый по порядку, какая изъ тѣхъ трехъ жизней самая пріятная, то всякій изъ нихъ сталъ бы особенно выхвалять свою? Любостыжатель будетъ говорить, что удовольствія чести и знанія, сравнительно съ удовольствіемъ корысти, ничего не значатъ, если не дадутъ нисколько денегъ.—Правда, сказалъ онъ.—Что же честолюбивый? спросилъ я: удовольствія отъ денегъ не будетъ ли онъ почитать чѣмъ-то грубымъ, а удовольствіе отъ знанія, если только знаніе не приноситъ чести,—не признаетъ ли дымомъ и болтовнею?—Такъ, сказалъ онъ.—А философъ <sup>4</sup>, спросилъ я, не найдетъ ли, думаемъ, что прочія удовольствія, въ сравненіи съ удовольствіемъ знать истину, какова она, и всегда стремиться къ познанію ея, далеко отстоятъ отъ удовольствія истиннаго, и не назоветъ ли ихъ дѣйствительно невольными, такъ что въ нихъ не было бы никакой надобности, еслибы не настояла необходимость?—Это, примолвилъ онъ, нужно хорошо знать. — Посему, когда и удовольствія, и самая жизнь каждаго вида, бываютъ предметомъ недоумѣнія—не въ томъ отношеніи, кто живетъ похвальнѣе, кто постыднѣе, или

<sup>4</sup> Τὸν δὲ φιλόσοφον—εἰ μὴ ἀνάγκη ἦν. Это мѣсто Платонова текста, безъ сомнѣнія, повреждено. Признакомъ поврежденія служитъ даже слѣдующій далѣе отвѣтъ Главкона, который видимо не вяжется съ вопросами Сократа. Да и средний глаголъ ποιῶμεθα, употребленный здѣсь въ значеніи принятія или положенія, есть необыкновенное явленіе въ характерѣ греческой рѣчи. Поэтому Graser., Specim. Advers. p. 21, вмѣсто ποιῶμεθα, читаетъ: τί οἰώμεθα, но прочихъ затрудненій не касается. Все это мѣсто Штальбомъ восстанавливаетъ такъ: Τὸν δὲ φιλόσοφον, ἦν δ' ἐγώ, μὴ οἰώμεθα τὰς ἄλλας ἡδονὰς νομίζειν πρὸς τὴν τοῦ εἰδέναι τὰληθῆς ἀπὸ ἔχει, καὶ ἐν τῷ τοιοῦτῳ τινὶ βεῖ εἶναι μανθάνοντα, τῆς ἡδονῆς οὐσας πάνυ πέρρω, καὶ καλεῖν (т. е. αὐτὰς) τῶ ὄντι ἀναγκαίως, ὡς οὐδὲν τῶν ἄλλων δεόμενον, εἰ μὴ ἀνάγκη ἦν.



кто лучше, кто хуже въ отношеніи къ самому удовольствію и безпечальности,—какъ могли бы мы узнать, спросилъ я, чьи 582. слова слѣдуетъ признать самыми вѣрными?—На это не очень могу отвѣчать, сказалъ онъ.—Но смотри вотъ какъ: чѣмъ должно судить то, что имѣетъ быть хорошо обсужено? не опытностью ли, разсудительностью и умомъ. Или возможно средство лучше этихъ?—Чѣмъ же иначе? сказалъ онъ.—Такъ смотри: изъ тѣхъ трехъ человѣкъ, кто самый опытный во всѣхъ удовольствіяхъ, о которыхъ мы говорили? корыстолюбивый ли покажется тебѣ способнѣйшимъ узнать самую истину, какова она, относительно удовольствія, происходяща- В. го отъ знанія, — или философъ, относительно удовольствія, происходящаго отъ корысти? — Большая разница, сказалъ онъ. — Вѣдь другія—то удовольствія послѣдній необходимо вкушаетъ, начавъ съ дѣтства; а корыстолюбивый, сколь бы онъ ни былъ способенъ знать сущее, никакъ не вкушаетъ этого удовольствія и не испытываетъ, сколь оно сладко, да еслибы и пожелалъ, было бы нелегко. — Стало-быть, относительно опытности въ томъ и другомъ удовольствіи, философъ далеко выше корыстолюбца? сказалъ я. — Конечно далеко. — Что же о честолюбивомъ? больше ли тотъ неопытенъ <sup>1</sup> С. въ удовольствіи, происходящемъ отъ чести, чѣмъ тотъ—въ удовольствіи, происходящемъ отъ размышленія?—Но что же тутъ? сказалъ онъ: если каждый успѣваетъ въ томъ, къ чему стремился, то честь слѣдуетъ за всѣми; честью отъ многихъ пользуются вѣдь и богатый, и мужественный, и мудрый; такъ что въ удовольствіи, происходящемъ отъ чести-то, всѣ опытни, а вкусить, каково удовольствіе, происходящее отъ

<sup>1</sup> Что же о честолюбивомъ? Больше ли тотъ неопытенъ... τί δὲ τοῦ φιλοτίμου; ἤρα μᾶλλον ἄπειρος ἐστὶ. Стефанъ въ этомъ мѣстѣ ἄπειρος замѣняетъ словомъ ἔμπειρος,—но безъ всякой нужды: здѣсь, при выраженіи μᾶλλον ἄπειρος, надобно разумѣть ὁ φιλόσοφος, а не φιλότιμος. Черезъ эту постановку отношеній, смыслъ рѣчи становится яснѣе; ибо Платонъ спрашиваетъ: кто можетъ лучше судить не о своемъ родѣ удовольствій, а о чужомъ? Стало-быть, его вопросъ превращается въ слѣдующій: ἤρα μᾶλλον ἔμπειρος ἐστὶ (φιλότιμος) τῆς ἀπὸ τοῦ ζῆλον ἠδονῆς, ἢ ἐκείνος (φιλόσοφος) τῆς ἀπὸ τοῦ τιμᾶσθαι.

созерцанія сущаго, невозможно никому, кромѣ философа. — Слѣдовательно, по опытности, примолвилъ я, философъ между людьми есть судья прекраснѣйшій. — И очень. — Притомъ, онъ одинъ будетъ опытенъ разсудительно. — Какже. — Да вѣдь и орудіе, посредствомъ котораго надобно судить—то, принадлежитъ не корыстолюбивому и не честолюбивому, а философу. — Какое орудіе? — Мы сказали, что судить должно посредствомъ ума<sup>1</sup>. Не такъ ли? — Да. — Но умъ—то особенно и есть его орудіе. — Какже. — Вѣдь еслибы подлежащее сужденію лучше всего обсуживалось богатствомъ и корыстію, то одобряемое или порицаемое корыстолюбивымъ не было ли бы, по необходимости, самымъ истиннымъ? — Крайне необходимо. — Когда же честію, побѣдою, мужествомъ, то не честолюбивый ли и спорчивый подавали бы самое вѣрное мнѣніе? — Явно. — А какъ скоро требуется опытность, рассу-

<sup>1</sup> Здѣсь не можетъ не затруднять критика множественное *διὰ λόγων κρίνεσθαι*, и потомъ опять — *λόγοι τούτου μάλιστα ὄργανον*. Какимъ образомъ *λόγος*, которое выше (р. 582 А) означало умъ, теперь превратилось въ слово (ибо *λόγος* въ множественномъ имѣетъ именно это значеніе)? и какъ эти слова принимаются за орудіе философа, когда даръ слова принадлежитъ и честолюбцу и корыстолюбцу? Чтобы устранить это затрудненіе, надобно замѣтить значеніе всѣхъ тѣхъ терминовъ — *ἐμπειρία*, *φρόνησις* и *λόγος* — въ Платоновой психологіи. *Ἐμπειρία* есть богатство фактовъ или впечатлѣній, принятыхъ посредствомъ чувствъ и вообще животныхъ орудій. Это область внѣшней дѣятельности человѣка, и ея не минетъ никто, родившійся и живущій подъ условіями органическими. *φρόνησις* есть дѣятельность мыслящая или различнымъ образомъ соединяющая факты опыта. Она имѣетъ характеръ теоретической и практической и въ первомъ случаѣ тождественна *τῇ διανοίᾳ*, а въ послѣднемъ усваивается человѣку, поодишку онъ разсматривается со стороны своей природы раздражительной, либо нравственной. Но *κατ' ἐμπειρίαν καὶ φρόνησιν* душа дѣйствуетъ въ предѣлахъ обыденной жизни, утверждаетъ свои цѣли въ мірѣ явленій и водится *τῇ δόξᾳ ἔνευ λόγου*. Поэтому *φρόνησις* справедливо переводится словомъ *блаюразуміе*, которое умѣетъ такъ соединить факты и явленія, чтобы изъ нихъ вытекала житейская польза. Но *λόγος* есть дѣятельность начала, въ человѣческой душѣ божественнаго; это — голосъ изъ области сущаго, и цѣль его только въ сущемъ, вѣчномъ, неизмѣняемомъ. *Λόγος* не можетъ быть предикатомъ благоуразумія, но непременно ума, и по его имени, разумная сторона души, въ смыслѣ дѣятельности, называется *τὸ λογιστικόν*. Какъ дѣятельность, *λόγος* входитъ въ міръ явленій и, опредѣляя собою многое, принимаетъ разные виды (*εἴδη*). Отсюда *λόγοι* — извѣстныя ограниченія, или приведенія многаго въ одно, — все цѣлостное въ познаніи, въ разсужденіяхъ, въ изслѣдованіяхъ предмета самого въ себя.

докъ и дѣятельность ума? — Разумѣется, сказалъ онъ, что вполне истиннымъ будетъ одобренное философомъ и любителемъ дѣятельности умственной. — Стало-быть, изъ трехъ видовъ удовольствій, самое пріятное должно принадлежать той 583. части души, которою мы познаемъ; и въ комъ изъ насъ эта часть господствуетъ, того жизнь будетъ самая пріятная. — Какъ не будетъ? сказалъ онъ: человѣкъ мыслящій, хваля свою жизнь, въ дѣлѣ этой похвалы, конечно, господинъ. — Которую же жизнь и которое удовольствіе поставитъ онъ на второмъ мѣстѣ? спросилъ я. — Очевидно, удовольствіе человѣка военнаго и честолюбиваго; потому что оно ближе къ философу, чѣмъ удовольствіе промышленника. — Такъ послѣднимъ будетъ, какъ видно, удовольствіе человѣка корыстолюбиваго. — Какже, сказалъ онъ. —

Итакъ, вотъ два доказательства одно за другимъ <sup>1</sup>, и двѣ побѣды справедливаго надъ несправедливымъ. Теперь, по олимпійски, — третье и послѣднее <sup>2</sup>, въ честь Зевса олимпійскаго. Соображай: удовольствіе другихъ, кромѣ удовольствія, свойственнаго человѣку мыслящему, и неистинно вовсе, и нечи-

---

<sup>1</sup> Первое доказательство состояло въ томъ, что Сократъ, сравнивъ тиранническаго человѣка съ тиранническимъ обществомъ, въ тираннѣ, преданномъ дикимъ пожеланіямъ, нашелъ существо самое жалкое. Это раскрыто на страницахъ 577 В — 580 С. Потомъ онъ доказалъ, что философъ и опытностію, и благородіемъ, и дѣятельностію умственною до такой степени превосходитъ прочихъ людей, что лучше всѣхъ можетъ судить о счастья жизни, и отсюда заключилъ, что тотъ родъ удовольствія, который проистекаетъ изъ познанія истины и свойственъ мудрецу, надобно почитать родомъ удовольствія превосходнѣйшимъ. Это разсматривается на страницахъ 580 D — 583 А. Къ показаннымъ двумъ доказательствамъ Сократъ присоединяетъ теперь третье, въ которомъ говоритъ, что никто, кромѣ мудреца, не наслаждается удовольствіемъ истиннымъ и чистымъ; такъ какъ обыкновенныя удовольствія толпы суть только тѣни удовольствій. Объ удовольствіяхъ истинныхъ и ложныхъ Платонъ очень подробно разсуждаетъ въ Филебѣ, р. 36 sqq. — гораздо подробнѣе, чѣмъ здѣсь; а это позволяетъ догадываться, что Филебъ написанъ прежде Государства. Такое же заключеніе можно сдѣлать и о раннемъ выходѣ въ свѣтъ Горгіаса, въ которомъ видимъ самый тонкій анализъ удовольствія и честности и живую картину несчастной жизни тиранна.

<sup>2</sup> Το τρίτον τῶ σωτήρι — пословица, соответствующая выраженію: *въ третій и послѣдній разъ*. См. наше примѣчаніе къ Хармиду, р. 167 В.

- сто, но есть лишь какая-то тѣнь удовольствія, какъ слышалъ я, кажется, отъ кого-то изъ мудрецовъ <sup>1</sup>; и это будетъ величайшимъ и рѣшительнымъ паденіемъ прочихъ удовольствій.
- Конечно; однако какъ же будешь ты говорить?—Это до-  
 С. казательство отыщется, примолвилъ я, если ты будешь отвѣчать на мои вопросы.—Спрашивай, пожалуй, сказалъ онъ.
- Такъ говори, началъ я: противоположное удовольствію называется ли у насъ скорбію?—И очень.—А бываетъ ли состояніе и безъ радости, и безъ скорбей?—Конечно.—Въ срединѣ между сими обоими не будетъ ли въ этомъ случаѣ какое-то затишіе души? Или ты не такъ называешь это?—Такъ, отвѣчалъ онъ.—Не помнишь ли тѣхъ словъ, спросилъ я, которыя произносятся больными, когда они хвораютъ?—Какихъ?  
 D. —Что нѣтъ ничего пріятнаго, какъ быть здоровымъ, хотя до болѣзни сами не замѣчали, что это очень пріятно.—Помню, сказалъ онъ.—Не слышишь ли, что и мучимые какою-нибудь болью говорятъ: не было бы ничего пріятнаго прекращенія этой боли?—Слышу.—Да и въ другихъ многихъ подобныхъ случаяхъ замѣчаешь, думаю, что люди, когда страдаютъ, превозносятся, какъ величайшее удовольствіе, не радость, а нестраданіе,—затишіе страданія.—Вѣдь это, сказалъ онъ, затишіе тогда бываетъ, можетъ быть, пріятно и вождельно.—  
 E. А когда кто перестанетъ радоваться, примолвилъ я, — то же самое затишіе удовольствія будетъ непріятно.—Можетъ быть, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, находясь, какъ мы сейчасъ сказали, между обѣими крайностями, это затишіе будетъ тѣмъ и другимъ—и скорбію, и удовольствіемъ.—Выходитъ.—Но возможно ли, чтобы ни то ни другое было тѣмъ и другимъ?—Кажется, нѣтъ.—Однакожь, пробуждающееся въ душѣ пріятное-то и непріятное есть нѣкоторое движеніе обѣ-

<sup>1</sup> Отъ какого мудреца Платонъ слышалъ это ученіе? Штальбомъ дѣлаетъ не невѣроятную догадку, что такимъ оборотомъ рѣчи философъ могъ указывать на своего Филеба: по крайней мѣрѣ этотъ прикровенный намекъ на собственное сочиненіе, съ одной стороны, свидѣтельствовалъ о скромности писателя, съ другой—оставлялъ слушателямъ полную свободу самостоятельно судить о достоинствѣ его мыслей.

ихъ крайностей. Развѣ нѣтъ?—Да.—А ни непріятное ни прі- 584.  
ятное не есть ли именно затишіе, и не явилось ли оно сей-  
часъ въ срединѣ ихъ?—Явилось.—Какимъ же образомъ мож-  
но правильно не-болѣзненность почитать пріятною, или не-  
радость—прискорбною?—Никакъ нельзя.—Стало-быть, это  
есть не бытіе, а явленіе, сказалъ я,—этимъ затишіемъ озна-  
чается нѣчто пріятное относительно къ болѣзненному, и нѣ-  
что болѣзненное относительно къ пріятному; и въ этихъ пред-  
ставленіяхъ нѣтъ ничего здраваго вразсужденіи истины удо-  
вольствія, но скрывается какое-то волшебство.—По крайней  
мѣрѣ, на это указываетъ рѣчь, примолвилъ онъ.—Итакъ, что- В.  
бы тебѣ иногда не подумать, будто удовольствія въ настоя-  
щей жизни бываютъ по природѣ таковы, что удовольствіе есть  
прекращеніе скорби, а скорбь—прекращеніе удовольствія,—  
смотри на удовольствія, происходящія не отъ скорбей.—Гдѣ  
же и какія разумѣешь ты? спросилъ онъ.—Ихъ много и дру-  
гихъ, отвѣчалъ я, но особенно, если хочешь понять, это—удо-  
вольствія обонанія; ибо они, и непредваряемая скорбію, быва-  
ютъ вдругъ чрезвычайно сильны, и по прекращеніи, не остав-  
ляютъ никакой скорби.—Весьма справедливо, сказалъ онъ.— С.  
Слѣдовательно, мы не должны вѣрить, что прекращеніе скор-  
би есть чистое удовольствіе, или прекращеніе удовольствія  
есть чистая скорбь.—Конечно нѣтъ.—Впрочемъ, примолвилъ  
я, такъ называемыя удовольствія, переходящія въ душу чрезъ  
тѣло-то, при своей многочисленности и силѣ, бываютъ тако-  
го рода, что должны быть почитаемы прекращеніемъ скорбей.  
—Дѣйствительно.—Не таковы же ли и предчувствія буду-  
щихъ благъ, и предварительныя скорби, происходящія отъ  
ожиданія?—Таковы.—Знаешь ли, спросилъ я, что такое онѣ,  
и чему подобны?—Чему? сказалъ онъ.—Признаешь ли ты въ D.  
природѣ что-нибудь—одно высокимъ, другое низкимъ, третье  
среднимъ? спросилъ я.—Признаю.—Думаешь ли, что кто-ни-  
будь, стремясь къ срединѣ, иначе представляетъ себѣ это,  
чѣмъ стремленіемъ кверху? и что ставъ въ срединѣ и видя,  
откуда началъ онъ двигаться, но не созерцавши истинной вы-

- соты, почитаетъ себя стоящимъ не въ иномъ мѣстѣ, какъ  
вверху?—Клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ, я никакъ не думаю,  
Е. чтобы такой человѣкъ представлялъ себѣ это иначе. — А если-  
бы опять стремился онъ внизъ-то, продолжалъ я, то, думая,  
что стремится внизъ, не справедливо ли бы думалъ?—Какъ не  
справедливо?—И не потому ли онъ представлялъ бы себѣ все  
это, что не имѣетъ опытнаго познанія объ истинно высокомъ,  
среднемъ и низкомъ?—Очевидно уже. — Такъ удивился ли  
бы ты, еслибы неопытные въ истинѣ, имѣя нездравыя мнѣ-  
нія о многихъ другихъ вещахъ, оказались таковыми относи-  
тельно удовольствія, скорби и середины между ними, — еслибы,  
585. то-есть, стремясь къ скорбному, находили его по-истинѣ та-  
кимъ и дѣйствительно скорбѣли, а переходя отъ скорби къ  
срединѣ, упорно полагали бы, что переходятъ къ полному удо-  
вольствію, и, подобно тому, какъ незнающіе бѣлаго цвѣта  
бѣлымъ, относительно къ черному, почитаютъ сѣрый, по не-  
знанію удовольствія, обманчиво судили бы о скорби по не-  
скорбному. — Клянусь Зевсомъ, не удивился бы, сказалъ онъ;  
гораздо удивительнѣе было бы, еслибы оказалось иначе. —  
Вдумайся же въ слѣдующее, примолвилъ я: голодъ, жажда и  
В. тому подобное не суть ли какія-то лишенія, въ состояніи тѣ-  
ла?—Какже. — А невѣжество и неразуміе не есть ли также ли-  
шеніе въ состояніи души?—И очень-таки. — Но это лишеніе не  
тотъ ли вознаграждаетъ, кто принимаетъ пищу и имѣетъ умъ?  
—Кто же иначе? — А вознагражденіе бываетъ истиннѣе отъ то-  
го ли, что меньше, или отъ того, что больше сущно?—Очевидно,  
отъ того что больше сущно. — Которымъ родамъ приписываешь  
ты сущность болѣе чистую? на примѣръ, хлѣбу ли, питью, мя-  
С. су и всякой вообще пищѣ, или роду истиннаго мнѣнія, позна-  
нія, ума и всякой вообще добродѣтели? Суди слѣдующимъ об-  
разомъ: держащееся всегда того, что себѣ подобно<sup>1</sup>, бессмертно  
и истинно, что и само такъ существуетъ, и въ томъ бываетъ, —

<sup>1</sup> Держащееся того, что всегда себя подобно, τὸ τῶ ἀεὶ ὁμοίου ἐχόμενον. Τὸ ἀεὶ ὁμοίου есть то же самое, что въ другихъ мѣстахъ называется τὸ ἀεὶ ὡσαύτως κατὰ ταὐτὸ ἔχον. Phædon. p. 78 С. D. Притомъ ὁμοίου иногда значить то же, что

держась этого не больше ли, по твоему мнѣнію, существовать<sup>1</sup>, чѣмъ то, что никогда не держится себѣ подобнаго, но держится смертнаго, и само бываетъ въ томъ и таково?—Что держится всегда себѣ подобнаго, сказалъ онъ, то гораздо превосходитъ. — А сущность всегда себѣ подобнаго причастна сущности больше ли, чѣмъ знанія?— Никакъ. — Что же? больше, чѣмъ истины?—И не это. — Если же оно меньше причастно истины, то меньше и сущности?<sup>2</sup>—Необходимо. — И вообще—ро- D. ды, относящіяся къ служенію тѣлу, не меньше ли причастны истины и сущности, чѣмъ роды, относящіяся къ служенію душѣ? — Да, и гораздо меньше. — И самое тѣло не такъ же ли, думаешь, относится къ душѣ?— Думаю, такъ же. — Но не полнѣ ли бываетъ наполняемое больше существеннымъ и само дѣйствительно больше существенно сущее, чѣмъ то, что наполняется менѣе существеннымъ и что само менѣе существенно?— Какъ же неполнѣ? — Если, стало-быть, пріятно наполняться подходящимъ къ природѣ, то наполняемое существенно и больше существеннымъ—болѣе существенное и истинное доставляетъ намъ на- E. слаженіе истиннымъ удовольствіемъ: а что принимаетъ меньше существеннаго, то менѣе также истинно и твердо наполняется и вкушаетъ больше невѣрное и менѣе истинное удовольствіе. — Весьма необходимо, сказалъ онъ. — Поэтому неопытные въ благоразуміи и добродѣтели и всегда занимающіеся пирушками и тому подобнымъ несутся, какъ видно, внизъ, а потомъ 586. опять къ промежутку, и такъ блуждаютъ во всю жизнь. Не переходя за эту черту, они на истинно высокое и не взирали никогда, и не возносились къ нему, не наполнялись существен-

---

*ὁμοιον ἑαυτῷ*, то-есть, бытіе всегда тождественное, неизмѣняемое, простое. Phædr. р. 271 A: *πότερον ἐν καὶ ὁμοιον πέφυκεν.*

<sup>1</sup> *Больше ли, по твоему мнѣнію, существуетъ, μᾶλλον δοκεῖ εἶναι*, то-есть, *πλέον οὐσίας ἔχειν.*

<sup>2</sup> Этими вопросами Сократъ наводитъ собесѣдника на ту мысль, что сущность вещи, или вещь сама въ себѣ,—то же самое, что знаніе и истина въ смыслѣ объективномъ, или на самомъ дѣлѣ. Знать вещь дѣйствительно, значить, знать ее въ сущности, а знать вещь въ сущности — то же, что получить знаніе дѣйствительное или истинное.

но сущимъ и не вкушали твердаго и чистаго удовольствія, но, подобно рогатому скоту, всегда смотрятъ внизъ и, наклонившись къ землѣ, пасутся за столами, откармливаются, В. понимаются и, отъ жиру лягаясь и бодаясь желѣзными рогами и оружіемъ, по ненасытности, убиваютъ другъ друга, такъ какъ дырявая ихъ бочка<sup>1</sup> не наполняется ни существеннымъ, ни въ существенномъ.—Ты, Сократъ, изображаешь жизнь многихъ, будто оракуль, сказалъ Главконъ.—Но не необходимо ли къ ихъ удовольствіямъ примѣшиваться и скорбямъ, которыя суть образы истиннаго удовольствія и получаютъ такіе оттѣнки отъ взаимопоставленія ихъ цвѣтностей, С. что являются сильными въ своихъ противоположностяхъ и возбуждаютъ въ безумцахъ неистовую любовь, заставляющую ихъ драться другъ съ другомъ, какъ дрались подъ Троею, говоритъ Стезихоръ, за образъ Елены, не зная, который былъ истинный<sup>2</sup>.—Весьма необходимо быть чему-то такому, сказалъ онъ.—

Что же? иное ли что-нибудь необходимо происходить и относительно природы раздражительной, когда кто совершаетъ то же самое, движимый то завистію—къ честолюбію, то D. насиліемъ—къ спорчивости, то гнѣвомъ—къ грубости, и, безъ смысла и ума, стремится удовлетворить жаждѣ чести, побѣды и гнѣва?—Необходимо то же самое бываетъ и въ этомъ отношеніи, сказалъ онъ.—Что же? спросилъ я: не скажемъ ли смѣло, что и пожеланія, относящіяся къ корыстолюбію и спорчивости, если удовольствія за которыми они гоняются, будутъ преслѣдуемы подъ руководствомъ знанія и смысла и при

<sup>1</sup> Οὐδὲ τὸ στέγον ἑαυτῶν πίμπλυντες. Словомъ *στέγος* или *στέγη*, между прочимъ, называется такой сосудъ, который закупоренъ герметически и нисколько не выпускаетъ заключающейся въ немъ жидкости. Здѣсь τὸ οὐ στέγον есть τὸ ἐπιθυμητικόν, пожелательная природа, бочка дырявая. Это самое сравненіе приводится въ Горгіасѣ р. 493 А. В, и читается такъ: τοῦτο τῆς ψυχῆς, οὗ αἱ ἐπιθυμίαι εἰσὶ, τὸ ἀχάλαστον αὐτοῦ καὶ οὐ στεγανόν, ὡς τετραμένον εἰς πίθος διὰ τὴν ἀπληστίαν ἀπειχάσας.

<sup>2</sup> Схолиастъ (ad Lycophron. v. 113) передаетъ слѣдующее: Говорятъ, что когда Парисъ проѣзжалъ по Египту, Прометей отнял у него Елену и, вмѣсто Еле-



указаніяхъ благоразумія, достигнуть удовольствій самыхъ истинныхъ, какими только можно наслаждаться имъ, слѣдуя истинѣ,—и свойственныхъ себѣ, какъ скоро самое лучшее для каждой вещи есть самое свойственное ей?—Конечно Е. самое свойственное, сказалъ онъ. — Стало-быть, когда вся душа слѣдуетъ философской своей сторонѣ и не возмущается; тогда каждой ея части бываетъ возможно дѣлать свое дѣло и быть справедливою, тогда-то всякая изъ нихъ наслаждается и свойственными себѣ, наилучшими и, по возможности, истиннѣйшими удовольствіями.—Конечно такъ.—А какъ скоро начнетъ господствовать которая-нибудь изъ другихъ 587. частей, то и сама не найдетъ свойственного себѣ удовольствія, и другія части будутъ принуждать гоняться за чужими и неистинными удовольствіями.—Такъ, сказалъ онъ.—И не тѣмъ ли больше совершить она такихъ дѣлъ, чѣмъ далѣе отступить отъ философіи и смысла?—Конечно.—А не то ли отступаетъ отъ закона и порядка, что весьма далеко отступаетъ отъ смысла?—Очевидно.—Всего же далѣе оказались отступившими не любовныя ли и тиранническія пожеланія?—Конечно.—А всего менѣе—царственныя и благоприличныя?—Да.—Такъ всего болѣе отступить отъ истиннаго и свойственного себѣ удовольствія, думаю, тираннъ, а царь—всего менѣе.—Необходимо.—Стало-быть, очень неприятно будетъ жить тираннъ, примолвилъ я, а царь—очень пріятно.—Весьма необходимо.—А знаешь ли, спросилъ я, восколько неприятнѣе жить тиранну, чѣмъ царю?—Если скажешь, отвѣчалъ онъ.—Есть, какъ видно, три удовольствія: одно подлинное и два поддѣльныхъ. Перешедши за предѣлы, къ удовольствіямъ поддѣльнымъ, тираннъ, вдали отъ закона и с. смысла, окружаетъ себя удовольствіями рабскими и насколько умаляется,—весьма нелегко и выразить,—развѣ, можетъ быть, слѣдующимъ образомъ.—Какимъ? спросилъ онъ.—Отъ че-

---

ны, далъ ему ея образъ. Съ этимъ-то образомъ Парисъ, по словамъ Стезихора, и приплылъ въ Трою. Другіе же полагаютъ, что Елена жила не въ Троѣ, а на Фаросѣ. *Herodot.* II, 112 sqq.

ловѣка олигархическаго онъ—третій; потому что въ срединѣ между ними былъ человекъ демократическій.—Да.—Посему, если сказанное прежде справедливо, то, въ отношеніи къ истинѣ, не съ третьимъ ли образомъ удовольствія проводить онъ и свою жизнь? — Такъ. — Но и олигархическій-то опять отъ царственнаго находится на третьемъ мѣстѣ, если аристокра-  
**D.** тического и царственнаго мы отождествимъ.—На третьемъ.—Слѣдовательно, тираннъ отъ истиннаго удовольствія удалился трижды три раза, заключилъ я. — Видимо. — Стало-быть, по протяженности тиранническаго удовольствія, примолвилъ я, образъ его есть поверхность.—Точно такъ.—А по потенціи третьему умноженію, явно, какъ велико его разстояніе:—Для  
**E.** грессію обратно, будетъ опредѣлять, насколько царь, относительно къ истинѣ удовольствія, отстоитъ отъ тиранна; тотъ, по окончаніи умноженія, найдетъ, что жизнь перваго пріятнѣе въ семьсотъ двадцать девять разъ<sup>1</sup>, и что, слѣдовательно,

---

<sup>1</sup> Арифметическій способъ опредѣленія удовольствія, какимъ наслаждается царь сравнительно съ тиранномъ, употребленъ Платономъ, безъ сомнѣнія, шуточно: но изъ данныхъ основаній, — выведенной имъ цифры 729, показывающей, насколько удовольствіе царя выше удовольствій тиранна, уже нельзя почитать шуточною. Схолиастъ объясняетъ это такъ: «Положимъ, говоритъ онъ, что счастье царя = 1, слѣдовательно счастье олигарха будетъ  $1 \times 3 = 3$ ; а счастье тиранна выдетъ  $3 \times 3 = 9$ . Но 9 есть число плоскости (*ἐπιπέδον*), какъ произведение изъ длины 3 на широту 3. Это число 3 Платонъ называетъ потенцію (*δύναμις*), умножающею единицу. Это число 3, умноженное само на себя, и дающее 9, потомъ умножается на 9, и даетъ 27. 3, какъ потенцію (*δύναμις*), поелику она умножается на 9 и даетъ 27, Платонъ называетъ третью потенцію (*τρίτην αὐξήν*). Стало-быть, 27 есть число твердое (число тѣла). Вторая потенція (*δευτέρα αὐξή*) есть произведение 3-хъ на себя, что даетъ 9, или плоскость, какъ первою потенцію была 1, умноженная на 3 и дававшая линію (*μήκος*). Теперь, чтобы получить число 729, остается только 27 умножить само на себя.» По моему мнѣнію, это мѣсто можетъ быть объяснено такъ: «Удовольствіе тиранна имѣетъ истинности въ три раза менѣе, сравнительно съ удовольствіемъ олигарха; а удовольствіе послѣдняго въ три раза менѣе истинно, чѣмъ удовольствіе царя. Число 9 есть число поверхности, или квадратъ 3. Если это число поверхности мы снова помножимъ на 3, то получимъ 27, — кубъ 3, или число твердаго тѣла, котораго измѣреніе одинаково въ отношеніи къ царю и тиранну. Но нашедши эту, общую тому и другому величину, мы должны теперь найти отношеніе между удовольствіемъ перваго и послѣдняго. Для этого положимъ, что удовольствіе царя

жизнь послѣдняго востолько же несчастіе.—Удивительное сдѣлать ты исчисленіе разницы между этими людьми, между 588. справедливымъ и несправедливымъ, относительно удовольствія и скорби, сказалъ онъ.—Да вѣдь это число дѣйстви- тельно вѣрно и подходитъ къ ихъ жизнямъ, примолвилъ я, если только возьмемъ въ расчетъ ихъ дни, ночи, мѣсяцы и годы.—Конечно возьмемъ.—А когда человѣкъ добрый и спра- ведливый настолько выше злаго и несправедливаго своимъ удовольствіемъ,—не безмѣрно ли выше послѣдняго онъ благообразіемъ своей жизни, красотою и добродѣтелью?—Въ са- момъ дѣлѣ, безмѣрно выше, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ.—

Пусть такъ, продолжалъ я. Но если мы договорились до В. этого, то повторимъ прежнія наши слова, приведшія къ та- кому заключенію. Прежде, кажется, было сказано, что полез- на несправедливость, когда кто вполне несправедливъ, а по- читается справедливымъ. Или не такъ было говорено?—Точно такъ.—Теперь же, согласившись, что значить то и другое— быть несправедливымъ и дѣлать справедливое, будемъ раз- суждать съ тѣмъ противникомъ.—Какимъ образомъ? спро- силъ онъ.—Представимъ словесный образъ души, чтобы тотъ, кто говорилъ это, увидѣлъ, что онъ говорилъ <sup>1</sup>.—Ка-

---

— 1, въ такомъ случаѣ число 27 не иначе можетъ быть уравнено 1, какъ чрезъ раздѣленіе 27 самого на себя, и на это дѣйствіе указывается выраженіемъ Платона: *ἐὰν τις μεταστρέψας ἀλλοθραία ἡδονῆς τὸν βασιλεῖα τοῦ τυράννου ἀφεστηχότα λέγῃ*. Удовольствіе же тиранна противоположно удовольствію царя, слѣдовательно, оно должно быть выражено чрезъ умноженіе 27 самого на себя. А отсюда отношеніе между удовольствіемъ царя и тиранна будетъ 1 : 729.

<sup>1</sup> Здѣсь Сократъ представляетъ превосходнѣйшее аллегорическое изображе- ніе человѣческой души, для рѣшительнаго и какбы осозательнаго опроверже- нія положеній Тразимаха, который еще въ первой книгѣ утверждалъ, что не- справедливость часто бываетъ полезна, если она возводится къ совершенству и умѣть носить маску справедливости. Представленная здѣсь картина человѣка такъ поражала всегда читателей Платона своею вѣрностію и естественностію, что въ разныхъ перифразахъ воспроизводима была многими писателями, напр., *Galen. de Hipp. et Plat. Dogm. VI, p. 298. Bas. Themist. in Gratian. p. 169 C. Synes. Dion. p. 39 fin., de Regn. p. 11 A. Iamblich. Protrept. p. 30, ed. Kiessl. Plotin. Ennead. p. 4 C. Ioann. Chrysostom. Homil. III, p. 20, ed. Matthaei. Photius. c. Manichæos, in Wolfii Anecd. Gr. T. II, p. 95. Сравн. Platon. de Republ. Lib. IV, p. 439 B и Politic. p. 309 D.*

- С. кой образъ? спросилъ онъ.— Образъ тѣхъ природъ, отвѣчалъ я, о бытіи коихъ баснословятъ древніе,— о химерѣ, сциллѣ, церберѣ и всѣхъ другихъ, въ которыхъ многія идеи срослись въ одно.— Да, рассказываютъ, примолвилъ онъ.— И такъ, вообрази одну идею пестраго и многоглаваго звѣря, который имѣетъ около себя головы звѣрей кроткихъ и дикихъ, и можетъ измѣняться, раждать изъ себя всѣ ихъ.— Это требуетъ
- В. сильнаго воображенія, сказалъ онъ. Впрочемъ, такъ какъ слово впечатлительнѣе воска и подобныхъ тому веществъ,— вообразимъ.— Пусть же будетъ еще одна идея льва и одна— человѣка, и первая гораздо больше, а на второмъ мѣстѣ вторая.— Это легче, сказалъ онъ; воображаю.— Потомъ эти три природы соедини въ одно, такъ чтобы онѣ срослись между собою.— Соединены, сказалъ онъ.— Облеки же ихъ извнѣ образомъ одного существа— образомъ человѣка; такъ чтобы немогущему видѣть внутреннее и смотрящему только на внѣшнюю оболочку, представлялось одно животное— человѣкъ.— Облечены, сказалъ онъ.— Скажемъ теперь тому, кто говоритъ, что этому человѣку полезно быть несправедливымъ и бесполезно совершать справедливое: иное ли что говоритъ онъ, какъ— полезно ему, откармливая пестраго звѣря, дѣлать его сильнымъ, равно и льва, и то, что относится ко льву, человѣ-
589. ка же морить голодомъ и приводить въ безсиліе, чтобы тѣ влекли его, куда который ни поведетъ, и чтобы онъ не сближалъ и не сдружалъ ихъ между собою, но предоставлялъ имъ кусаться и, вступая въ драку, пожирать другъ друга.— Дѣйствительно такъ говорилъ бы тотъ, примолвилъ онъ, кто сталъ бы хвалить несправедливость.— Напротивъ, кто утверждалъ бы, что полезно быть справедливымъ, тотъ не ска-
- В. залъ ли бы, что надобно и дѣлать и говорить то, чрезъ что въ человѣкѣ человѣкъ внутренній <sup>1</sup> становился бы воздержнѣе,

<sup>1</sup> Внутренній человѣкъ здѣсь отличается отъ внѣшняго тѣмъ, что послѣдній носитъ только наружность человѣческую, или, какъ выше сказано, облеченъ образомъ человѣка; а первый, заключенный въ природу огромнаго звѣря, характеризуется человѣческимъ умомъ, состоитъ ἐν τῇ λογιστικῇ и этою стороною дол-

и имѣлъ бы попеченіе о многоглавой скотинѣ подобно земледѣльцу, крѣпкія его части питая и дѣлая ручными, а дикимъ препятствуя расти, и для того употребляя въ помощь природу льва,—вообще, заботясь о всѣхъ природахъ и, поставивъ ихъ въ содружество какъ одну къ другой, такъ и къ себѣ, содержалъ бы ихъ пищу? — Конечно такъ будетъ говорить тотъ, кто хвалитъ справедливое.— Да и всячески, восхваляющій справедливость утверждалъ бы истину, а несправедливость—лгалъ бы; ибо удовольствіе ли возьмешь въ расчетъ, добрую ли славу, или пользу, — хвалитель справедливаго говоритъ истинну, а порицатель не произноситъ ничего здраваго и, ничего не зная, бранитъ да бранитъ. — Мнѣ кажется, его-то слова ни къ чему, сказалъ онъ.— Вразумимъ же его кротко (ибо онъ ошибается не-хотя) и спросимъ: почтеннѣйшій! похвальное и постыдное не потому ли мы такъ обыкновенно называемъ, что первое звѣрскую часть природы подчиняетъ части человѣческой, а можетъ быть, и божественной, послѣднее же кроткую порабощаетъ дикой? Подтвердить ли онъ это, или какъ?—Если вразумится, сказалъ онъ.— По этому расчету, спросилъ я, можетъ ли быть кому-нибудь польза—несправедливо взять золото, какъ скоро бываетъ на примѣръ то, что принимающій его наилучшую часть себя самого вмѣстѣ съ тѣмъ порабощаетъ части самой дурной? Либо, полезно ли будетъ кому-нибудь, какое бы множество золота ни было получено, когда за то золото отдають въ неволю его сына или дочь, и притомъ въ руки жестокихъ и злыхъ людей? Не крайне ли жалокъ будетъ человѣкъ, и принятое имъ въ даръ золото не принесетъ ли ему гибели гораздо ужаснѣе той, какую принесло Эрифилѣ<sup>1</sup> ожерелье, принятое ею за душу ея мужа, если божественное въ себѣ онъ безъ милосердія поработитъ без-

C.

D.

E.

590.

жень, по природѣ, господствовать надъ частями пожелательною и раздражительною.

<sup>1</sup> Эрифилла, по мифологическимъ сказаніямъ, была жена Амѳіарея. Подкупленная предложеннымъ ей въ подарокъ золотымъ ожерельемъ, она выдала мужа, который спрятался, чтобы не принимать участія въ еивской войнѣ. *Hom. Odys.* л. в. 325 sq. *Pindar. Nemes.* IX, в. 37 sqq. *Pausan.* X, p. 870.

божнѣйшему и нечестивѣйшему?—Конечно такъ, отвѣчаю я за него, сказалъ Главконъ.—Не за то ли, думаешь, издревлѣ порицаемо было и своеволие нравовъ, что оно въ такомъ человѣкѣ болѣе надлежащаго развязывало то страшное, большое и многовидное животное?—Явно, сказалъ онъ.—Не тогда ли, равнымъ образомъ, порицается дерзость и упорство, когда усиливаются въ немъ львиныя и змійныя свойства и напрягаются выше мѣры?—Конечно.—Не въ этой ли его растрепанности и распущенности подвергаются порицанію роскошь и изнѣженность, отъ которыхъ онъ дѣлается робкимъ?—Какже.—Не тогда ли бранятъ также ласкательство и низость, когда кто это самое,—раздражительную природу, подчиняетъ тому безпокойному звѣрю, и эта природа, закидываемая деньгами и увлекаемая ненасытностью животныхъ вождельнѣй, съ юности привыкаетъ, вмѣсто льва, раждать обезьяну?—И очень, сказалъ онъ.—А мастерство и руководѣлья чѣмъ, думаешь, возбуждаютъ досаду?—Иное ли что укажемъ, кромѣ того, что кто-нибудь имѣетъ отъ природы слабый видъ наилучшей своей части, такъ что не можетъ управлять своими животными, но служить имъ и въ состояніи понимать лишь, какъ ласкать ихъ?—Походитъ, сказалъ онъ.—Посему, чтобы такой управлялся началомъ, подобнымъ тому, которымъ управляется человѣкъ наилучшій,—не скажемъ ли, что онъ долженъ быть рабомъ того наилучшаго, носящаго въ себѣ власть божественную? И надобно полагать, что это управленіе было бы не ко вреду раба, какъ думалъ объ управляемыхъ Тразимахъ, а къ тому, чтобы подъ божественнымъ и разумнымъ управленіемъ сколько возможно лучше было всякому, особенно кто имѣетъ въ себѣ собственнаго правителя; а когда нѣтъ,—пусть онъ находится подъ внѣшнимъ настоятелемъ, чтобы по возможности всѣ мы, управляемые однимъ и тѣмъ же, были подобны и дружественны между собою.—Да вѣдь и законъ показываетъ, что этого онъ хочетъ, продолжалъ я, поколику въ городѣ помогаетъ всѣмъ; то же показываетъ и власть надъ дѣтьми, которая не даетъ имъ свободы, пока въ нихъ, какъ

бы въ городѣ, мы не установимъ управленія и, развивъ наилучшую часть ихъ души, не приготовимъ въ ней подобнаго 591. нашему стража, и тогда уже отпускаемъ ихъ на свободу.— Конечно показываетъ, сказалъ онъ.—Итакъ, почему, Главконъ, и на какомъ основаніи скажемъ мы, что дѣлать несправедливое, своевольничать, или совершать постыдное полезно, если чрезъ это человѣкъ будетъ хуже, хотя бы приобрѣлъ множество денегъ и силы другаго рода?—Нипочему, отвѣчалъ онъ.—А почему дѣлающій несправедливое находитъ полезнымъ скрываться и убѣгать отъ наказанія? Развѣ не хуже еще становится тотъ, кто скрывается <sup>1</sup>, тогда какъ не- В. скрывающійся и наказываемый звѣрское въ себѣ укладываетъ и укрощаетъ, а кроткому даетъ свободу, и вся душа, возведенная къ наилучшей природѣ, приобрѣтши разсудительность, справедливость и благоразуміе, получаетъ состояніе, востолько превосходнѣе чѣмъ тѣло, приобрѣтшее силу, красоту и здоровье, восколько душа превосходитъ тѣло. — Безъ сомнѣнія.—Такъ у кого есть умъ, тотъ не будетъ ли жить, направ- С. ляя все свое къ тому, чтобы, во-первыхъ, уважать науки, которыя дѣлаютъ душу его такою, а прочее презирать?— Явно, сказалъ онъ.—Потомъ, примолвилъ я, состояніе и питаніе тѣла никакъ не ввѣритъ онъ звѣринуму удовольствію, чтобы въ немъ провождать жизнь; напротивъ, оставитъ въ сторонѣ и здоровье, не уважитъ и того, какъ бы быть сильнымъ, здоровымъ и красивымъ, если это не сдѣлаетъ его бл- D. горазумнымъ, но всегда будетъ устроять гармонію въ тѣлѣ для созвучія въ душѣ.—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ, если только по-истинѣ хочетъ быть музыкальнымъ.—Не будетъ ли онъ искать сообразности и созвучія въ самомъ стяжаніи денегъ, продолжалъ я, и, не ослѣпляясь мнѣніями толпы о счастіи, станетъ ли до безконечности увеличивать свое бремя множествомъ ихъ, чтобы нажить себѣ безконечное зло?—Не

---

<sup>1</sup> Эта мысль весьма хорошо и обстоятельно раскрыта въ Горгіасѣ р. 509 А sqq.

- Е. думаю, сказалъ онъ.—Да, смотря на внутреннее свое управленіе, примолвилъ я, онъ будетъ распоряжаться умноженіемъ и уменьшеніемъ своего имѣнія съ возможною осторожностію, чтобы избытокъ или недостатокъ его не произвелъ какого-нибудь замѣшательства тамъ—внутри.—Точно такъ,
592. сказалъ онъ.—Смотря съ той же точки зрѣнія и на самыя почести, однѣ изъ нихъ приметъ онъ и будетъ охотно наслаждаться ими, если найдетъ, что онѣ сдѣлають его лучшимъ; а тѣхъ, которыя должны разстроить настоящее его состояніе, будетъ избѣгать частно и публично. — Стало-быть, заботясь объ этомъ, онъ не захочетъ заниматься гражданскими дѣлами? спросилъ онъ.—Да, клянусь собакою, отвѣчалъ я, и въ своемъ городѣ—тѣмъ болѣе, а можетъ быть, даже и въ своемъ отечествѣ,—если не выпадетъ какой-нибудь божественный случай.—Понимаю, сказалъ онъ: городъ, о которомъ ты говоришь и который мы устрояемъ своими разсужденіями, существуетъ только на словахъ, а на землѣ нѣтъ его, думаю, нигдѣ.—Но образецъ, если желаешь видѣть его и по этому видѣнію благоустроить себя, находится, можетъ быть, на небѣ. Впрочемъ, все равно, есть ли онъ гдѣ, или будетъ: вѣдь только съ нимъ однимъ можно имѣть дѣло, а больше ни съ какимъ.—Вѣроятно, сказалъ онъ.—
-